

*Светлой памяти моего наставника —
Михаила Владимировича Гептнера —
посвящаю*

Предисловие

Работа по истории Зоомузея с 1917 г. была начата мной в 1986 г. (материалы по истории музея до 1917 г. готовил А.А. Кузнецов). Основной текст был написан в 1989 г. В качестве основы, помимо публикаций, были использованы материалы Архива МГУ, архива и годовых отчетов отделов Зоомузея, а также некоторые материалы отдела кадров. Небольшие фрагменты исходного текста были включены в книгу “Два века” (1991).

В 1991 г. я имел возможность детально ознакомиться с богатыми материалами Санкт-Петербургского отделения Архива РАН, и некоторые выписки также включены в настоящее издание. Наконец, благодаря любезности научного сотрудника ЗИН РАН А.В. Смирнова уже в 2002 г. мне удалось получить из вышеуказанного архива копию письма Г.А. Кожевникова А.П. Семенову-Тян-Шанскому от 16 сентября 1920 г., которое воспроизводится здесь почти полностью.

Следует обратить внимание, что материалы за 1954–1978 гг. и особенно “с 1978 г.” (по сути, до 1989 г.) страдают крайней неполнотой. Многие даты не удалось уточнить по архивным материалам.

Все подчеркивания в цитируемых текстах — оригинальные: так в документах. По возможности сохранена также оригинальная пунктуация и орфография.

В настоящее издание не включен список литературы, а также ряд приложений и таблиц, которые громоздки и требуют серьезной доработки.

В заключение, я выражаю искреннюю благодарность М.В. Гептнеру, взявшему на себя труд прочтения моей рукописи и сделавшему ряд ценных замечаний.

Кирилл Михайлов, июль 2002 г.

1917–1931

В заведовании профессора Г.А. Кожевникова Зоологический музей оставался до 1930 г. Музей по-прежнему являлся учебно-вспомогательным учреждением и значительную часть времени был закрыт для посещения посторонними лицами (публику пускали лишь в воскресные дни). Кафедра зоологии также существовала; в 1915 г. она называлась — кафедра зоологии, сравнительной анатомии и физиологии. По сути, музей являлся тогда подразделением кафедры.

В эти годы на основе Зоологического музея выросло целое поколение университетских зоологов. Все они в той или иной степени являются учениками профессора Кожевникова. Именно эти люди обеспечили расцвет московской зоологии (причем самых разных её областей) в 1930–1940-е годы. Фамилии эти в основном хорошо известны биологам: В.Г. Гептнер, в дальнейшем профессор МГУ и редактор уникального издания “Млекопитающие Советского Союза”; А.Н. Формозов, эколог и натуралист, также профессор МГУ; Б.С. Кузин, энтомолог-систематик, один из немногих исследователей метода И.В. Гёте в систематике, полиглот и поэт; Б.Б. Родендорф, один из основателей палеоэнтомологии в СССР; А.Н. Желоховцев, морфолог и систематик, долгие годы заведовавший отделом энтомологии Зоомузея МГУ; К.В. Арнольди, энтомолог, специалист по систематике и экологии муравьев; С.П. Наумов, профессор Московского городского педагогического института; Б.А. Кузнецов, профессор Тимирязевской сельскохозяйственной академии; сотрудники Зоомузея Н.А. Гладков, Е.П. Спангенберг и другие. Так получила свое развитие (и на этом завершилась в фундаментальной своей части) одна из крупнейших школ отечественной зоологии (Г.А. Кожевников — последний продолжатель прямой линии зоологов: Г.И. Фишер-фон-Вальдгейм — К.Ф. Рулье — А.П. Богданов).

Сам Г.А. Кожевников так писал об этом в докладной записке на имя ректора 1-го МГУ А.Я. Вышинского (1927 г.): “...со времени обособления описательной зоологии со всеми её подразделениями в особый цикл значение Зоологического музея в обслуживании этого цикла выразилось особенно ярко и четко. Прежде всего необходимо отметить, что только при наличии богатых коллекций Музея возможно должным образом поставить наглядно преподавание на II курсе двух курсов специалистов, для всех студентов обязательных, а именно зоологии беспозвоночных и зоологии позвоночных...” (Архив МГУ, ф.54, оп.1, ед.хр.53, л.42–42об). Некоторые из учеников Г.А. стали зоологами-систематиками (Б.С. Ку-

зин, А.Н. Желоховцев, К.В. Арнольди). Ранее, в 1900-е годы, Г.А. не имел возможности развивать систематику в университете: “К сожалению, наша армия систематиков — один, два и обчелся. Я лично не имею времени сесть за какую либо группу, а создать из молодежи не коллекторов только, а систематиков мне прямо таки умышленно мешает пр[оф]. Н.Ю. Зограф, который всячески старается внушить молодежи, что систематика не истинная наука, а Вы знаете что для начинающего ничего нет страшнее как мысль, что он занимается не “истинно” научным. Зограф позволяет себе публично выставлять в смешном виде систематиков. Я конечно парирую его нападки но суть в том, что он читая обязательный курс, будучи главным экзаменатором по беспозвоночным, имея право оставления при университете и возможность исхлопывать разные материальные блага, конечно, может не путем публичных нападок а путем интимных разговоров с молодыми людьми отвращать их от фаунистических работ, особенно от энтомологических. В своих обязательных курсах он посвящает энтомологии минимум, а что касается занятий по систематике насекомых он их прямо третирует как нечто “любительское”...” (письмо А.П. Семенову-Тянь-Шанскому, ок 30 сент. 1903 г., СПб отд-е архива РАН, ф.722, оп.2, ед.хр.498, л.67–68; дано с ориг. пунктуацией). Впрочем, уже через несколько лет административные возможности Г.А. Кожевникова сильно возросли. Тем не менее, зоологическая систематика в Москве еще долгие годы оставалась менее развитой, чем в Петербурге.

Музей обслуживал своими коллекциями 16 курсов лекций, которые читали тогда профессора и приват-доценты университета Г.А. Кожевников, Б.М. Житков, Н.М. Кулагин, С.А. Зернов (будущий директор Зоологического института АН СССР в Ленинграде), Э.Г. Беккер, Е.С. Смирнов, Л.А. Зенкевич, В.В. Алпатов, С.И. Огнев и другие. Музей содействовал и практическим занятиям со студентами, в его лабораториях проходили большие и малые практикумы по зоологии позвоночных и беспозвоночных животных, практические занятия по биологии и систематике промысловых животных. Кроме профессоров и преподавателей, читавших специальные курсы, занятия вели еще Н.А. Бобринский, И.И. Ежиков, Л.Л. Россолимо, хранители Зоомузея, а также научные сотрудники А.А. Шорыгин, Г.Г. Абрикосов, Е.В. Боруцкий, А.Н. Желоховцев и др. “Особенно важное значение имеет Музей для постановки специальных внепрограммных занятий старших курсов по систематике, фаунистике и зоогеографии. Только при наличии богатых коллекций Музея возможно было создание за последние годы целой группы аспирантов, которые специализировались в вышеуказанных областях, и из которых выработались и путешественники исследователи, и авторы уже напечатан-

ных и печатающихся работ по фауне СССР и по систематике и биологии разных групп животного царства. В настоящее время при Зоологическом музее работают в названных областях 16 таких аспирантов, и все они могли направить свои работы на изучение фаунистики, систематики и экологии животных только благодаря своей студенческой подготовке в Зоологическом музее” (Архив МГУ, ф.54, оп.1, ед.хр.53, л.42об–43). А вот оценка самого Г.А. Кожевникова, данная одним из его учеников, Б.С. Кузиным: “Но от формальной оценки роли ученого в своей области всегда ускользает нечто. Кто оценит значение Григория Александровича, как основателя своеобразной московской школы зоологов-систематиков? Ведь настоящей “школы” как будто и нет. Однако почему около музея Московского Университета всегда группировались всех возрастов ученики Григория Александровича, работающие по изучению фауны, по морфологии беспозвоночных, по охране природы и т.п.? Мне кажется, причина этого в том, что Григорий Александрович был могучим человеком, сильно любившим природу и широко ее знавшим. В его тени и произрастала московская зоология” (письмо А.П. Семенову-Тянь-Шанскому от 1 февр. 1933 г., СПб отд-е Архива РАН, ф.722, оп.2, ед.хр.555, л.23–24).

С целью улучшения научной работы и особенно для изучения фауны СССР в 1-м МГУ научные части зоологических кафедр были объединены в Институт зоологии, просуществовавший, с изменениями, до 1953 г. Первым директором этого института был академик А.Н. Северцов, а позже, в 1930–1937 гг. декан биологического факультета А.М. Быховская. Г.А. Кожевников руководил здесь лабораторией зоологии беспозвоночных животных. Шестнадцать зоологов, указанные в его докладной записке, состояли в аспирантуре Института зоологии, введенной в 1925 г. (вообще в СССР система аспирантуры появилась в 1923 г.).

Особый интерес представляет программа работы аспирантов, составленная Г.А. Кожевниковым в 1929 г. (Архив МГУ, ф.43, оп.1 и 1л, ед.хр.43). В течение первого года аспирантуры запланировано: ознакомление с зарубежными руководствами по зоологии (на английском, немецком и французском языках), прослушивание специальных курсов в университете, знакомство с текущей новой зоологической литературой, усовершенствование в знании иностранных языков. Второй год: основательное знакомство с эволюционным учением — по первоисточникам (Ламарк, Дарвин, Уоллес) и по специальным сочинениям, участие в семинарах (при музее) докладами, педагогическая работа в лаборатории. Третий год: среди прочего, “общественная работа главным образом в области научной популяризации как путем публичных лекций и бесед, так и в форме статей в научно-популярных журналах” (там же, л.16об).

В эти годы были совершены многочисленные поездки по территории СССР с целью обогащения коллекций музея. “Университет, по скудности своего бюджета, не мог ничего уделить в помощь этим поездкам, кроме самого скромного экскурсионного снаряжения, доставлявшегося Зоологическим музеем. Все поездки совершались в виде командировок Наркомзема (по линии борьбы с вредителями), Госторга (по линии пушного дела), Наркомпроса Дагестана (для обогащения местного Музея), Южно-Уссурийского Отдела Географического Общества и др., а некоторые на скромные личные средства участников поездки” (Архив МГУ, ф.54, оп.1 и 1л, ед.хр.53, л.43).

Еще до Октябрьской революции, в 1917 г. состоялась Байкальская экспедиция Зоомузея (И.И. Месяцев, Л.А. Зенкевич, Л.Л. Россоломо), положившая начало систематическому исследованию этого озера. В.Г. Гептнер в 1920–1921 гг., еще будучи студентом, участвовал в Тургайской мелиоративной экспедиции. Почти все коллекции, собранные аспирантами Г.А. Кожевникова, хранятся ныне в Зоомузее МГУ. Всего в 1922–1927 гг. было совершено 54 экспедиции и поездки; характерно, что почти все они тяготеют к Кавказу и Средней Азии — излюбленным в те годы местам работы систематиков и фаунистов. Число поездок на Урал, Дальний Восток, в Сибирь, особенно в их северные районы, ничтожно.

Подробный учет поступлений коллекций в Зоологический музей до 1932 г. не производили, указывая в отчетах лишь район сбора и таксономическое положение (класс или отряд) животных. Точные цифры указать невозможно. Кроме того, в 1920-е гг. на временное хранение в Музей (“до времени создания океанографического музея” — Отчет 1-го МГУ за 1922 г., с.134) регулярно передавали коллекции Плавучего (тогда писали — “Пловучего”) морского института, созданного в 1921 г. по инициативе Г.А. Кожевникова, И.И. Месяцева и Л.А. Зенкевича для изучения фауны морей СССР. До 1931 г. этот институт (под названием ГОИН — Государственный океанографический институт) помещался в необорудованном для экспозиции нижнем зале Музея. После переезда института (ныне он называется Всесоюзный институт рыбного хозяйства и океанографии — ВНИРО) коллекции его оставались в музее (в основном в отделе беспозвоночных животных), где хранятся и до сих пор.

Поступления коллекций в Зоомузей в 1922 и 1924 гг. — это насекомые, птицы и млекопитающие из центральных губерний России, в меньшей степени с Кавказа и Алтая. Поступления 1923 г., наоборот, из мест более отдаленных — Туркестан, Камчатка, Приморская область.

В 1922 г. от известного орнитолога С.А. Бутурлина была получена обширная коллекция птиц (первоначально с сохранением права собствен-

ности за дарителем), в 1923 г. столь же значительная коллекция (около 7000 птиц) была безвозмездно передана зоологом-путешественником Г.И. Поляковым.

“Над коллекциями Музея произведена была работа по их обработке и каталогизации... В этой работе принимают большое участие аспиранты, а также студенты-дипломники и студенты IV курса... Можно смело сказать, что ни в одном университете не имеется такой благоприятной базы для подготовки исследователей фаунистов и зоогеографов, как в зоологическом музее I МГУ, т.к. его коллекции являются самыми богатыми в СССР после коллекций Академии наук” (Архив МГУ, ф.54, оп.1 и 1л, ед.хр.53, л.44об).

В годы гражданской войны хранение коллекций на было надежно обеспечено, хотя и делали всё возможное. “Обширные поступления в Музей ставят особенно остро вопрос о невозможности поместить коллекции должным образом и обезопасить их от порчи. Недостаточное отопление музейных зал и промокание стен нижней залы вследствие порчи желобов, которая не исправляется в течение около двух лет, сделали то, что музейные залы отсырели, что весьма вредно отражается на сохранности коллекций. Музей не имеет денег на изготовление ящиков для насекомых, сундуков для шкурок и иные работы, необходимые для поддержания Музея на должной высоте” (Отчет 1-го МГУ за 1922 г., с.134–145). Основные ремонтно-восстановительные работы в помещениях всего университета были выполнены уже после 1925 г., когда ректором вместо В.П. Волгина был назначен А.Я. Вышинский.

Какие же сотрудники работали в музее в эти годы? В 1916 г., кроме заведующего профессора Кожевникова, по музею состояли: старшие ассистенты кафедры зоологии В.С. Елпатьевский (основатель — вместе с проф. А.Н. Северцовым — “Зоологического журнала”; позднее работал в Баку и Саратове) и Э.Г. Беккер (позднее профессор кафедры энтомологии МГУ), младшие ассистенты В.С. Муралевич (специалист по систематике многоножек, исчез в конце 1920-х гг.) и С.И. Огнев (позднее профессор, заведующий кафедрой зоологии и сравнительной анатомии животных МГУ, автор многотомного труда “Звери СССР и прилежащих стран”, удостоенный за него Государственной премии), сверхштатные ассистенты С.А. Суслов и И.И. Месяцев (известный океанолог, впоследствии академик, заведующий кафедрой зоологии беспозвоночных МГУ, его именем названо ныне научно-исследовательское судно, принадлежащее ВНИРО и совершающее рейсы в юго-восточную часть Тихого океана), магистранты Б.М. Житков (позднее профессор, заведующий кафедрой зоологии позвоночных МГУ) и Д.Н. Кашкаров (один из основопо-

ложников отечественной экологии). В 1918 г. В.С. Елпатьевский, избранный профессором Саратовского университета, выбыл, и на его место был перемещен С.И. Огнев. Младшим ассистентом стал И.И. Месяцев, а сверхштатным — Л.А. Зенкевич (позднее академик, заведующий кафедрой зоологии беспозвоночных животных МГУ). Еще одним ассистентом был назначен Г.Г. Щеголев.

Немного позже ставки были перераспределены, и по музею стали числиться только хранители: в 1919–1921 гг. это был Н.Н. Плавильщиков (известный энтомолог и популяризатор науки); до 1925 г. здесь работали также В.В. Алпатов (позднее профессор, заведующий кафедрой экологии МГУ), И.И. Месяцев и В.А. Яшнов (позднее профессор кафедры гидробиологии МГУ). В 1924–1926 гг. заведовал хозяйством музея Э.Г. Беккер. В 1925–1931 гг. состав хранителей изменился: В.Г. Гептнер занимался позвоночными животными, Б.С. Кузин — энтомологическими коллекциями и Е.В. Боруцкий — беспозвоночными животными. В апреле 1931 г. приступил к работе также энтомолог А.Н. Желоховцев, а в конце того же года и орнитолог Г.П. Дементьев. Единственным препаратором музея был П.Н. Большунов. В 1925–1931 гг. в герпетологическом отделе активно работал аспирант Н.И. Сокольский, но на постоянную работу он зачислен не был.

В 1921 г. Н.Н. Плавильщиков вынужден был уйти из МГУ и не появлялся там вплоть до 1941 г. Причина этого — его, мягко выражаясь, экстравагантное поведение по отношению к Г.А. Кожевникову: “Дорогой Андрей Петрович, лежу в хирург[ической] лечебнице д-ра Бакунина на Остоженке, простреленный 2 пулями в голову и диктую письмо своей жене. Одна пуля засела в затылочной кости, не пробивши ее глубоко, другая, ударившись под самым глазом о кость, рикошетировала в толще щеки и вышла в углу нижней челюсти, не повредивши ни одного крупного сосуда, ни одного нерва. Опален выстрелом (почти в упор) левый глаз, в котором сильное кровоизлияние и повреждение роговой оболочки. Стрелял в меня, как это ни удивительно и ни ужасно, хорошо известный вам Ник. Ник. Плавильщиков, о работах которого по *Segambycidae* вы были хорошего мнения. Как это ни странно и ни позорно, цель покушения на убийство было ограбление. Одновременно 2 пулями в голову ранена моя служанка, находящ[аяся] теперь в клинике. В газетах это сообщение было передано весьма неточно, а московские слухи создали совершенно фантастические легенды, котор[ые] могут дойти до Петрограда в еще более искаженном виде, а потому я считаю полезным сообщить вам совершенно объективно изложенные события не только лично для вас, но и для широкого осведомления петерб[ургского] ученого мира, в особенности

моих добрых друзей и знакомых. Отделом животноводства Наркомзема было ассигновано о[бщест]ву Акклиматизации, коего я председатель, 1.700.000 рубл. на нужды Измайл[овской]. Опыт[ной] Пасеки. Т.к. ассигновка была не именная, то надо было указать какое-нибудь лицо, котор[ому] общество доверят получить, причем это должно было быть скреплено моей подписью, следов[ательно] нельзя было указать себя. Плавильщиков ежедневно бывал в музее, а получать деньги надо было в здании бывш[ей] город[ской] управы очень близко от у[ниверсите]та; ему я доверял, в честности его не имел сомнения; раньше он вполне благополучно получил для меня 170.000 р[ублей], и я не колеблясь выбрал его для получения 1.700.000 руб. 9-го сентября он предупредил меня, что на след[ующий] день деньги будут им получены, и я в начале 2-го часа дня, когда по моим соображениям он уже получил деньги из казначейства, отправился в лабораторию и спросил его, получил ли он деньги. Он сказал: “получил”. После этого мы обменялись несколькими замечаниями относительно книг, разборкой которых он занимался, а затем я сказал ему: давайте деньги. Он ответил: “здесь неудобно, пойдемте к вам”. Предполагая, что предстоит длительный счет, и что деньги имеют большой объем, я нашел вполне естественным, что неудобно заниматься счетом денег в лаборатории, хотя мысленно несколько удивился, не видя у него в руках ни большого свертка, ни какой-либо сумки. Потом оказалось, что деньги были в чрезвычайно компактной форме лежали все в боковом кармане куртки, не выпячиваясь заметным образом. Совершенно спокойно прошел я с ним через пустой музейский корридор 2 этажа и пустую верхнюю залу ко мне на квартиру и вошли в мою библиотечную комнату, где я сел на диван спиной к окну, а он, стоя передо мной, вынул деньги из кармана, передавая мне 4 запечат[анные] пачки (3 x 500.000 и 1 в 100.000), сказал: “эти считать не нужно”, и прибавил, передавая мне 5-ю распечат[анную] пачку в 100.000 р.: “Эту сосчитайте”. Это были зелененькие 1000 р. нового образца, не бывшие в употреблении и наверное распечатанные специально для того, чтобы занять меня счетом. Пока я считал, он сделал несколько шагов по комнате и очутился сзади меня, так что я его не видел. Я услышал оглушивший меня звук и, совершенно не понимая, что случилось, спросил: “что это?” Это был выстрел из револьвера мне в затылок, но я настолько был далек от мысли чего-либо подобного, что немедленно построил в своем воображении фантастическое представление, что у него в руках взорвался охотничий ружейный патрон, который мог оказаться в этой комнате. Быстро переменяв место, он сейчас же выстрелил в левую сторону лица почти в упор и моментально исчез из комнаты. Обливаясь кровью, я вскочил с дивана и тотчас же

запер дверь на крючок, предполагая, что он может вернуться добывать меня. Деньги остались на диване, кроме последней пачки, кот[орую] я продолжал сжимать в руке. Я слышал крики и визг убиваемой горничной, потом все стихло. У меня была только одна мысль: я могу истечь кровью, могу упасть в пустой квартире, и никто не придет помочь мне. Тогда я взял линейку, разбил ею 2 оконных стекла (окно не было выставлено с зимы) и начал кричать во двор о помощи. Прибежало несколько студентов [под окно. — *К.М.*], я выбежал в другую комнату, схватил полотенце зажал рану на щеке, оставивши затылочную без всякого внимания и выскочил во двор, прося о помощи. Побывал в гистолог[ическом] институте, рассчитывая найти там врача, видел много удивленных студентов и студенток, не соображавших, чем они могут мне помочь. Откуда-то появились подозрительная вата и стакан с какою-то жидкостью, но я благоразумно уклонился от помощи в такой обстановке, побежал в другой двор в правление, отыскал экзекутора, сел вместе с ним в стоявший тут шарaban подрядчика, и мы поехали в лечебницу. Первая лечебница недалеко от ун[иверсите]та оказалась закрытой. Тогда я сообразил, что на Пречист[енском] бульваре в центр[альном] управл[ении] охоты работает хирург Бакунин, лечебница которого неподалеку на Остоженке. У подъезда центр[ального] упр[авления] охоты мне пришлось, вызывая удивление прохожих, одной рукой зажимать рану, другой держать возжи, т.к. экзекутор побежал искать Бакунина. Обе раны оказались стерильными. По рассказам очевидцев и по данным следствия, Плавильщиков по совершении преступления, упорно не сознавался в нем, сочинил фантаст[ический] рассказ о несуществующем анархисте, кот[орый] был вместе с ним и, лишь благодаря искусному допросу следователя, сознался и указал спрятанный им в музее револьвер. Прислуга моя жива, но очень опасна, т.к. ее раны гнойные с высокой t° ” (письмо Г.А. Кожевникова А.П. Семенову-Тян-Шанскому от 16 сент.1920 г., СПб отд-е Архива РАН, ф.722, оп.2, ед.хр.498, л.331–335). “Все поведение Плавильщикова было настолько странно и настолько его поступок не был ничем обусловлен..., что в Чека очень скоро догадались прибегнуть к медицинской экспертизе. ...Был констатирован типичный острый припадок шизофрении. Плавильщикова препроводили в психиатрическую лечебницу, из которой он через какое-то время вышел. Но, конечно, продолжать работу в музее он уже не мог” (Кузин, 1999, с.57).

В конце 1920-х гг., видимо, был сослан В.С. Муралевич. Последние сведения о нем, которые удалось найти совсем недавно, уже в 2001 г., — сборы 1934 г. из окрестностей Чимкента (в коллекциях Зоологического ин-та РАН).

В 1925 г. С.Д. Перелешин опубликовал один из вариантов экскурсий по Зоомузею МГУ.

В лаборатории Зоомузея занимались, помимо научной работы и занятий со студентами, и чисто прикладными проблемами. “В виду того, что в лаборатории... велась в течение многих лет и ведется теперь проф. Г.А. Кожевниковым научно-исследовательская работа по изучению пчелы, а за последние 2 года преподавателем В.В. Алпатовым при содействии нескольких студентов, работающих по его курсу вариационной статистики, ведется обширная работа по изучению изменчивости пчел в связи с вопросом о породах, на съезде по опытному делу в Наркомземе в июне 1925 г. было постановлено включить лабораторию Зоологического музея в сеть исследовательских учреждений опытного отдела, причем в программу работы поставлено: 1) разработка анатомических и биологических вопросов, касающихся пчелы и 2) изучение пчелы биометрическими методами” (Отчет 1-го МГУ за 1925/26 г., с.70). В дальнейшем эти работы были продолжены на кафедре энтомологии МГУ (с 1930 г.), а также на пасеке, расположенной на территории Звенигородской биостанции МГУ (остатки этой давно заброшенной пасеки, огромные колоды ульев сохранились там до 1990-х гг.).

“Лаборатория зоологии беспозвоночных (при институте зоологии, в 1923–1930 гг. — *К.М.*) ... выпустила большое число работ по морфологии и систематике насекомых; было описано свыше 100 новых видов ... самостоятельный раздел составляли работы по изучению и хозяйственному использованию фауны морей и внутренних водоемов (Л.А. Зенкевич, И.И. Месяцев, В.А. Яшнов и др.)” (Юдинцев, Бондаренко, 1940, с. 9).

В 1929–1931 гг. ситуация в Зоологическом музее, как и во всем университете, переменялась к худшему. Начался период реорганизаций. С 1929/30 г. “запрещена выписка иностранной литературы непосредственно из-за границы как отдельными лицами, так и учреждениями” (“Научный работник”, 1929, № 12, с. 104). Научную литературу стали закупать централизованно. Усиливается контроль за социальным составом студентов (введенные в 1923 г., эти ограничения были отменены лишь в 1935 г.; дети научных работников, впрочем, приравнивались к детям рабочих). В университетской многотиражке стали печататься списки “лишенцев”; в них, кстати, попал и Н.А. Гладков, будущий ученый секретарь, заведующий отделом орнитологии и директор Зоомузея: “сын попа; трудового стажа не имеет” [“Первый университет”, 2 марта 1929 г., № 2(18)]. В связи с этими “перегибами” “Народный комиссариат просвещения РСФСР разъяснил, что исключение студентов по социальному происхождению может иметь место лишь в тех случаях, когда студент скрыл при

поступлении свое социальное происхождение, причем это обстоятельство должно быть проверено по документальным данным” (“Научный работник”, 1929, № 5–6, с. 112). Не был принят в МГУ и А.В. Цветаев, впоследствии энтомолог-любитель. Его огромная коллекция бабочек была приобретена Зоомузеем уже в 1970-е гг.

В результате травли вынуждены были уйти из университета профессора Н.К. Кольцов и Б.М. Житков. Профессор С.С. Четвериков был арестован и выслан из Москвы. По-видимому, такова же судьба В.С. Муралевича.

Г.А. Кожевников был уволен из профессоров с 1 сентября 1929 г: об этом ему сообщили по почте лишь 12 сентября. Ему повезло: он продолжил работу в Институте зоологии (на кафедре экологии, организованной его учеником В.В. Алпатовым). В 1930 г. заведующим Зоомузеем на общественных началах стал Л.А. Зенкевич; фактически музей остался без директора.

В 1929–1930 гг. развернулась борьба за “сближение с практикой” тематики работ Института зоологии МГУ. “Научно-исследовательские учреждения в области естественных наук являются наиболее оторванными от задач по социалистической реконструкции сельского хозяйства. Такие проблемы, как животноводческая, зерновая и др. не нашли необходимого отражения в направлении работы институтов. Институт зоологии МГУ занимается всем, но только не вопросами, связанными с практическими вопросами (так в тексте! — К.М.) животноводческой проблемы” (“Научный работник”, 1930, № 11/12, с. 37). Общее собрание аспирантов-зоологов приняло резолюцию: “В среде Института почти совершенно отсутствуют ученые, стоящие на позициях диалектического материализма; напротив, мы имеем целый ряд работников, чуждой советской общественности как с идеологической, так и с политической стороны. Большинство из научных работников Института оторваны от советской действительности и не только не осознают тех задач, которые ставит перед ними рабочий класс, но подчас даже им противодействуют... Среди аспирантов Института до сих пор существуют аспиранты, политически и идеологически совершенно не удовлетворяющие требованиям, предъявляемым к советским аспирантам” (ВАРНТСО, 1930, № 2, с. 81). “Аспиранты, занимающиеся страусами, тараканами, пауками и проч., имеют очень слабую подготовку в общебиологических вопросах” [“Первый университет”, 9 марта 1930, № 19(43)].

Реорганизация коснулась всего университета. После попыток его “втузирования” (превращения в высшее техническое заведение) из него были выделены в самостоятельные институты все гуманитарные, меди-

цинский и химический факультеты (последний удалось через два года вернуть обратно), а также был создан и поныне существующий геолого-разведочный институт.

Чуть позже в учебный процесс был введен “бригадно-лабораторный” метод: “Лекции как основная форма занятий были заменены работой бригад, которые должны были самостоятельно заниматься изучением учебных заданий. Чтение учеными общих и специальных курсов было заменено вступительными лекциями к самостоятельной работе студенческих бригад. Вместо зачетов и экзаменов вводились коллективные собеседования и отчеты бригад” (Московский университет за 50 лет Советской власти, с. 70). В результате резко упала успеваемость и знания студентов. К счастью, большинство преподавателей-зоологов пользовались большим авторитетом среди студентов, поэтому у них работали лучше, чем на других специальностях.

“У нас в Университете полный кавардак и крах кафедры зоологии. Мой неудачный преемник по кафедре Месяцев совершенно погубил её. Воспользовавшись новым веянием против “лекционной системы”, он лекции вовсе не читал, но вместо этого поручил своему новому совершенно неопытному еще в преподавании ассистенту, моему ученику Абрикосову проводить “демонстрационный” курс, состоявший в том, что он показывал объекты с некоторыми объяснениями” (письмо Г.А. Кожевникова М.Н. Римскому-Корсакову от 4 авг. 1930 г., СПб отд-е Архива РАН, ф.902, оп.2, ед.хр.238, л.3–4).

В 1930 г. был создан биологический факультет МГУ. Чуть раньше, весной того же года, предполагали создание института биологии (на базе существующего лишь на бумаге “факультета опытного животноводства и растениеводства”) с ботаническим и зоологическим факультетами. Тогда же были созданы новые, более “прикладные” кафедры — генетики, экологии, биологии развития. В 1931–1933 гг. вся система факультетов и кафедр была заменена “отделениями” и “специальностями”.

В 1930 г. Зоомузей был открыт для посетителей два дня в декаду, причем сотрудники МГУ и члены их семей были обеспечены бесплатным входом. “Групповые студенческие экскурсии проводятся по предварительному соглашению с директором музея тов. Кожевниковым” [“Первый университет”, 5 января 1930 г., № 13(37)].

Положение музея, оставшегося без руководства и поддержки, в это время сильно осложнилось. “Океанографический институт хочет выжить Зоомузей, желая занять его помещение. Музей сам страдает из-за тесноты помещения, которая дошла до того, что новые экспонаты негде поместить” [“Первый университет”, 4 июня 1930 г., № 39(63)]. “С 1927 г. кро-

ме трех подвальных помещений и помещения для канцелярии в вестибюле Музея, Институту было предоставлено несколько рабочих мест в Нижнем зале Музея... В настоящий момент эти несколько мест превратились в рабочие места около сотни сотрудников... Нижний зал Музея оказывается заставленным столами (перед каждым окном стоит от 4 до 6 столов... и по 2 шкафа)” (Архив МГУ, ф.54, оп.1 и 1л, ед.хр.4, л.5).

“Музей совершенно не обслуживает широких масс трудящихся, а посещается только частью студенчества. Общего плана работы музей не имеет. В руководстве царит обезличка: директора музея как такового нет... 3 штатных работника... ведут работу по разделам..., но по каким планам работают, перед кем отчитываются за работу, неизвестно. В подвал, где находились ценнейшие экспонаты (кости кита, чучела и др.) помещены живые собаки и кролики. У входа в институт прямо на полу лежит череп кита, стоят и пылятся чучела носорогов. Поломаный скелет мамонта не ремонтируется” [“За пролетарские кадры”, 25 октября 1931 г., № 49(127)].

С 1 декабря 1930 г. Зоомузей передали из ведения кафедры зоологии беспозвоночных животных в ведение Института зоологии. Осенью 1931 г. руководство института (А.М. Быховская, Е.М. Вермель) наметили реорганизацию музея. Предполагалось открытие новых отделов: зоогеографии, фауны районов Сибири, животноводства (Архив МГУ, ф.54, оп.1 и 1л, ед. хр.4, л.10). На совещании методической комиссии сектора науки Наркомпроса М.М. Завадовский предложил объединить Зоологический и Дарвиновский музеи, против чего резко выступил директор Дарвиновского музея, талантливый зоолог и организатор А.Ф. Котс. Кроме того, А.М. Быховская и Е.М. Вермель предложили следующее: “Из имеющихся дублетов и мультиплетов коллекций Музея, Зоологический Музей может и предлагает укомплектовать коллекции для втузов или вузов” (там же, л.11). Фактически это означало ликвидацию значительной части фондов музея. Наркомпросом были приняты на этот раз предложения по введению дополнительных разделов (за счет предполагавшейся надстройки).

Тяжелое положение сложилось и с библиотекой Зоомузея, захваченной Институтом зоологии. Одно из совещаний (в декабре 1931 г. постановило: “констатировать, что основная часть библиотеки... принадлежит музею и является неотъемлемой его частью” (Архив МГУ, ф.54, оп.1 и 1л, ед. хр.3, л.2). В начале 1930-х гг. библиотека Зоомузея работала совместно с библиотекой института. В 1935 г. была даже создана единая библиотека Института зоологии (на базе библиотеки бывшей Зоомузея и кафедральных). В результате в 1939 г. в музее существовала только рабочая библиотека из 584 книг.

“У Зоомузея отняли: площадь для его научной работы и хранения коллекций,... весь инвентарь и учебное оборудование,... отнято право распоряжаться тем помещением, которое всегда Зоомузею принадлежало и которое специально для его целей было выстроено” (Архив МГУ, ф.54, оп.1 и 1л, ед. хр.4, л.49).

От полного разрушения Зоомузея спасла только передача из системы МГУ в непосредственное подчинение музейно-краеведческому отделу Наркомпроса РСФСР (Приказ Наркома просвещения от 17 декабря 1931 г. № 433). Музей получил название “Московский государственный зоологический музей (с 1935 г. — ещё и “при МГУ”)”. В таком виде он и существовал до 1939 г. “Комсомольская организация зоологического отделения взяла шефство над музеем... Сейчас из студентов первого, третьего и четвертого курсов организованы бригады по налаживанию музея. Всего прикреплено к музею 24 человека” [“За пролетарские кадры”, 16 декабря 1931 г., № 57(136)].

Выведение музея из системы МГУ вначале усилило конфликты. Вновь назначенный директор Зоомузея В.Н. Макаров писал в Наркомпрос: “2 месяца я таскал в портфеле все дела Зоомузея, т.к. не только не имел комнаты, но даже стула... К работе по реорганизации Зоомузея с самого первого дня привлечены студенческие бригады, работающие по 6 часов в декаду... Следует отметить не только прямую деловую пользу этой работы, но очень хорошее отношение со стороны студенчества к Зоомузею, искреннее стремление переделать его в массовое политико-просветительное учреждение. Участие студенческих бригад имеет и другое положительное значение — это сближение студенчества с научными работниками музея, т. к. некоторая взаимная отчужденность и непонимание до этого были.

...последние 2 года музей превратился просто в склад научных коллекций, хранящихся в хаотическом беспорядке, и всяких других вещей вплоть до домашних шкафов и других личных вещей отдельных работников Зооинститута. Не велось никакой специфической музейной работы, отсутствовал необходимый учет всего имеющегося, поступающего и выбывающего научного материала... Музей был превращен в проходной двор в прямом смысле этого слова: всякий мог в верхнем платье, галошах пройти и уйти, и залы Музея были с утра до вечера, а м. б. и ночью, открыты, надзора за посторонними посетителями ни с чьей стороны никакого. К этой лихой бесхозяйственности и безнадзорности Музея все так привыкли, считали так обычным, что мои шаги положить этому конец вызвали неудовольствие.

...И никто из Дирекции (Ректората. — К.М.) Университета, из партийных и общественных организаций не подняли в свое время протест.

ста против этого разрушения музея, не положили конец всему творящемуся в нем безобразию.

Я считаю возможным поставить прямое обвинение директору Зооинститута тов. Быховской, в ведении которой находился Зоомузей, все то запущение, к которому он пришел к настоящему моменту. Нахожу не только организационной, но и политической ошибкой развитие одного советского учреждения за счет намеренного прямого разрушения другого, имеющего при правильной постановке, такую же если не большую, ценность для научного, хозяйственного и культурного строительства СССР... А когда директор Зоомузея, сознавая всю тяжесть обязанности перестроить Музей, вынужденный крайней необходимостью, делает попытки хотя бы частично восстановить для него то, чем музей обладал до захвата, то он обвиняется в централистических устремлениях и против него создается некоторый враждебный фронт из внутренних сил, вместо того, чтобы оказать всемерную помощь, т.к. реорганизация Зоомузея является общественным, а не чьим-то личным делом” (Архив МГУ, ф.54, оп.1 и 1л, ед.хр.4, л.73об–75).

В дальнейшем “врагов” Зоомузея постигла судьба куда более страшная, чем они того заслуживали: после долгой травли была репрессирована в 1937 г. А.М. Быховская; Е.М. Вермель исчез годом позже. М.М. Завадовский был изгнан из университета за антилысенковские выступления в 1948 г., и возглавляемая им кафедра механики развития была ликвидирована.

Однако, старый директор не мог одобрить новые порядки: “Слышал я про новые порядки в Зоол. музее, в силу которых стеснена свобода посещения Музея и общения со специалистами. Это меня очень огорчает и я полагаю, что в прежнем порядке было много хорошего — вольное общение со специалистами, беседы, просмотр интересных объектов — все это будило мысль, наталкивало на проработку некоторых вопросов и т.д.” (письмо Г.А. Кожевникова А.П. Семенову-Гян-Шанскому от 31 декабря 1932 г., СПб отд-е Архива РАН, ф.722, оп.2, ед.хр.499, л.114об).

1917–1931 гг. следует признать наиболее продуктивными по формированию кадров отечественной зоологии. Несмотря на появившиеся формальные разграничения между учебной и научной частью университета (кафедры физико-математического факультета и лаборатории института зоологии) и отчасти препятствия политического характера (“реорганизация”, начало администрирования), именно в это время под руководством профессора Г.А. Кожевникова и его старших учеников выросла целая плеяда талантливых зоологов. Эти люди, и учителя, и ученики всех возрастов, постоянно находились в “зоологической” атмосфере старого

здания МГУ, ежедневно, даже мимоходом, могли знакомиться с экспонатами Зоомузея и его фондовыми коллекциями. Формировалось трудно описываемое словами “зоологическое” чувство, чувство правильного подхода к зоологическим объектам. На первом месте в школе Г.А. Кожевникова стояла, как и везде в то время, сравнительная морфология и анатомия. На ней базировались систематика и зоогеография, а также зарождающаяся экология (со значительным уклоном в “натурализм” у ряда зоологов). Такова внутренне цельная триада зоологической науки, и это понимали или, по крайней мере, чувствовали ученики Г.А. Кожевникова.

Учебный процесс в МГУ в 1917–1931 гг. в значительной степени проходил на базе коллекций Зоомузея. Формальные границы в то время успешно преодолевались личным влиянием профессоров университета. Так, Г.А. Кожевников одновременно заведовал кафедрой зоологии (в системе факультета), лабораторией зоологии беспозвоночных животных (в системе Института зоологии) и Зоомузеем. Но самым главным своим званием и главной должностью он считал одну — профессор Московского университета.

Таков итог работы Зоомузея за первые 14 лет Советской власти. Музей еще не стал специализированной организацией с самостоятельными задачами. В то время это сказалось, быть может, и на хранении коллекций, и тем более на экспозиционной работе.

1932–1954

В этот период Зоологический музей МГУ выполнял три основные функции: учебно-вспомогательную (для обучения и работы студентов-зоологов), научно-хранительскую (самостоятельный штат научных сотрудников был создан впервые) и зрелищную (число посетителей значительно возросло).

Новым директором Зоомузея был назначен известный биолог, специалист по охране природы и заповедному делу, В.Н. Макаров.

Экспозиция музея в 1932–1933 гг. была целиком перестроена (в этом виде она сохранялась, с небольшими изменениями, до 1977–1978 гг.). В верхнем зале были впервые развернуты коллекции герпетологического и ихтиологического отделов (в 1935 г. их окончательно перевели в нижний зал). В 1932–1935 гг. в нижнем, а в 1935–1937 гг. в верхнем зале существовал охотничье-промысловый отдел. В верхнем зале экспозиция этого отдела была реорганизована по географическому принципу: охотничье хозяйство тундры, тайги, “южных зарослей”, внутренних водоемов (Архив МГУ, ф.54, оп.1 и 1л, ед. хр.47, л.4). После выселения Института океанологии был заново оборудован и открыт (1933 г.) нижний зал, в котором выставили коллекции беспозвоночных животных и насекомых (в том числе просуществовавшую недолго выставку по шелководству), а также экспозиции китообразных животных и фауны четвертичного периода (в 1977–1978 гг. эти последние материалы переместили в зал сравнительной анатомии, а затем частично передали в Палеонтологический музей АН СССР; в обмен оттуда было получен скелет мамонта, помещенный ныне около лестничной площадки первого этажа). В этикетки по всей экспозиции, помимо латинских, были введены и русские названия.

Для художественного оформления музея на работу в качестве научного сотрудника был приглашен в 1932 г. известный уже к тому времени художник-анималист В.А. Ватагин. Сотни его картин хранятся в Зоологическом и Дарвиновском музеях. В холле Зоомузея размещены 9 панно его работы, посвященные животному миру Советского Союза (в том числе одна картина с мамонтами), а в нижнем зале — еще три, изображающие жизнь моря. В самой экспозиции были выставлены многочисленные большие картины В.А. Ватагина и других художников.

В Зоологический музей была включена выставочная часть Института сравнительной анатомии, реорганизованная в отдел филогении. Первоначально кабинет сравнительной анатомии был создан еще в 1844 г. Им заведовал ученик К.Ф. Рулье Я.А. Борзенков, а позже М.А. Мензбир. “В мае 1901 г. кабинет сравнительной анатомии перешел во вновь выс-

троенное здание, где М.А. Мензбир развернул его в большой Институт сравнительной анатомии с прекрасной библиотекой, музеем и лабораториями для учебных и научных занятий... Каждый из работавших занимался не только своею исследовательской работой, но и приготовлением экспонатов для Музея сравнительной анатомии: по настоящее время (1940 г. — *К.М.*) большинство препаратов этого музея сохраняет на своих этикетках имена их авторов. Особенно много для музея сделали П.П. Сушкин и Н.К. Кольцов.

В работе по созданию музея необходимо отметить помощь художника Н.А. Мартынова, у которого учились рисовать М.А. Мензбир, В.Н. Львов, Н.А. Иванцов, П.П. Сушкин, А.Н. Северцов и др., а также его сына А.Н. Мартынова и дочь Н.Н. Львову, выполнявших рисунки для работ. В новом зале музея художник В.А. Ватагин выполнил прекрасную серию рисунков морских животных и рыб и написал 30 панно фаун различных зоогеографических областей для зоогеографического атласа М.А. Мензбира” (Матвеев, 1940, с. 67–68). Еще 10 панно по ископаемым животным В.А. Ватагин создал по специальным изысканиям сотрудников Зоомузея Б.С. Матвеева и А.Н. Дружинина. В 1940 г. из Дарвиновского музея был передан бюст Ч. Дарвина работы В.А. Ватагина.

После ухода М.А. Мензбира из университета в 1911 г. заведование Институту сравнительной анатомии принял А.Н. Северцов. По возвращении в университет (в том числе в качестве ректора: 1917–1919 гг.) М.А. Мензбир организовал свой, отдельный кабинет сравнительной анатомии и зоогеографии и читал там курсы лекций, параллельные лекциям А.Н. Северцова.

В 1930 г. “у Института сравнительной анатомии был отнят под лабораторию физиологии животных целый этаж, т.е. большая половина лабораторных помещений. Тогда А.Н. Северцов превратил преподавание в Московском университете... Он “организовал в стенах бывшего Института... лабораторию эволюционной морфологии АН СССР, объединив большую часть своих учеников. При переезде в 1935 г. в Москву Академии наук СССР лаборатория... была реорганизована в крупный Институт эволюционной морфологии... и перешла в здание Академии наук вместе со школой его учеников” (Матвеев, 1940, с. 74–75). Сам академик А.Н. Северцов жил в квартире около своего института, о чем и свидетельствует мемориальная доска на здании Зоомузея со стороны улицы Белинского (ныне в квартире А.Н. Северцова расположен отдел сравнительной анатомии музея).

Так был подорван один из членов триады фундаментальной зоологии в МГУ: сравнительная анатомия на кафедре зоологии позвоночных

была сокращена и спустя пятьдесят с лишнем лет обречена на полное вымирание; школа сравнительных анатомов и поныне самостоятельно заканчивает свое развитие в Институте эволюционной морфологии и экологии животных АН СССР, почти целиком оторвавшись от университетской почвы. По какому-то странному недоразумению в мае 1934 г. уже несуществующему “Музею сравнительной анатомии Зоологического института МГУ” приказом Наркомпроса было присвоено имя академика М.А. Мензбира.

В сентябре 1934 г. на одном из совещаний научных сотрудников Зоомузея выступил заведующий отделом экспозиции А.А. Парамонов с докладом “О принципах построения отдела систематики музея”. Он, в частности сказал: “Зоологический музей должен показать не только животные формы, поставленные в порядке известной, хотя бы и новейшей системы, но вместе с тем он должен показать систематику как науку”. Экспозиции “должны осветить... общие вопросы систематики и проблемы специальной зоологической систематики”. К первой части А.А. Парамонов отнес разделы история зоологии, как науки; учение о виде; вид и высшие систематические категории; принципы построения естественной системы” (Архив МГУ, ф.534, оп.1 и 1л, ед. хр.36, л.25–28). “Прикладные моменты” было предложено развивать при экспозиции соответствующих объектов систематического отдела. Последний принцип всегда главенствовал в Зоомузее (за исключением начала 1930-х гг.), действует он и сейчас.

В результате дискуссий в 1935 г. в нижнем зале был создан впоследствии неоднократно перестраивавшийся вводный отдел, иллюстрирующий “основные понятия классификации животных, разделы дарвиновского учения, положенные в основу классификации, филогенетические отношения отдельных групп животных (родословная схема)” (Туров, Дементьев, 1940, с. 186). Отдел этот ликвидировали в 1977–1978 гг.

Предполагалось также организовать зоогеографический и экологический отделы, но планы эти не были выполнены, т. к. не была произведена предполагаемая в 1932–1937 гг. надстройка здания Зоомузея.

С организацией экспозиции оставались проблемы: осенью и весной температура в залах падала до 5–8°C, а зимой то поднималась очень высоко, то резко снижалась в выходные дни, когда не работали истопники. Герметически закрывающиеся стальные шкафы не всегда выполняли свою задачу, т.к. верхние матовые стекла были в основном заменены фанерой; к чучелам иногда проникала пыль.

В 1933 г. в Зоомузее появились первые штатные экскурсоводы, первоначально два человека (А.В. Михеев и Б.Н. Цветков). К 1939 г. экскур-

сии проводили: аспиранты, студенты старших курсов, научные сотрудники и 3 штатных экскурсовода. В 1936 г. на одном из совещаний Зоомузея была установлена норма экскурсий для экскурсоводов: 72 ч в месяц.

В 1938 г. вход в музей стоил 60 копеек; школьников, красноармейцев и орденосцев пускали бесплатно. В 1940 г. пропуск бесплатных посетителей был прекращен.

В 1939–1941 гг. Зоомузей организовал периодические выставки (в Таганском парке, в Сокольниках и др.). Выставки были проведены и в самом музее: в 1936 г. — отчет об экспедиции в Тиманскую тундру, 1937 г. — к 20-летию Октябрьской революции, 1939 г. — к 80-летию выхода в свет книги Ч. Дарвина “Происхождение видов”. С учителями Москвы регулярно проводили семинары по зоологии. В 1937 г. при музее был организован кружок юных биологов. Сотрудники музея читали лекции в колхозах, школах, клубах, на фабриках и заводах. Темы этих лекций были самые разнообразные: “Происхождение человека”, “Жизнь муравьев”, “Птичьи базары” и т.д.

Число посетителей особенно возросло в 1938 г. за счет рассылки по школам и организациям специально отпечатанных рекламных афиш и открыток.

В 1939 г. Г.А. Костылев написал путеводитель по музею, который остался ненапечатанным из-за отсутствия бумаги (в настоящее время эта рукопись утеряна).

Коллекциями Зоомузея по-прежнему пользовались сотрудники университета для проведения лекций и практических занятий. Так, в 1932 г. объектами музея обслуживалось 7 курсов.

В 1937–1938 гг. намечался перевод из Ленинграда в Москву Зоологического института (и музея) Академии наук СССР. В связи с этим целесообразность дальнейшего развития Зоомузея МГУ была поставлена под сомнение. Но, к счастью, Зоологический институт все же остался в Ленинграде.

Для изготовления чучел и препаратов при Зоомузее существовала таксидермическая мастерская, находившаяся в подвальном помещении. Препараторы работали в тяжелых условиях и жаловались в многотиражную газету: “Спецодежды (перчатки, фартуки), подсобного инструмента не выдают... Рамы не замазаны, стекла разбиты, плохо топят. Уборка в мастерской не производится” [“За пролетарские кадры, 15 января 1935, № 2(292)]. Из-за отсутствия средств в 1935 г. не были поставлены чучела слона, тапира, бегемотов, белых медведей и др. В 1937 г. ректором МГУ была отобрана “мацерационная комната, специально оборудованная для очистки, мацерации и постановки скелетов и других анатомических ра-

бот. В 1938 г. тушу громадного морского льва пришлось вскрывать на площадке лестницы, снимать шкуру в зале, в котором тут же проходят экскурсии. Мацерацию скелетов производят в ведрах, между дверями, на лестнице и т. д.” (Архив МГУ, ф.54, оп.1 и 1л, ед. хр.82). В 1939 г. организация выделки шкур (главным образом, получение овсяной муки) “стоила больших трудов” (Отчет отдела териологии, с. 8).

Зоомузей так характеризовал лучших своих препараторов (в 1933 г.): “Тов. Большунов Павел Николаевич является мастером-таксидермистом с 35-летним стажем работы. В свое время он прошел обучение у лучших московских препараторов — Лоренца и Бланка. За пятилетнюю работу в музее проявил себя в качестве высококвалифицированного мастера, прекрасно выполняющего сложную и ответственную работу по монтажу чучел и приготовлению тушек.

Тов. Федулов Владимир Константинович является высококвалифицированным мастером-таксидермистом. Он происходит из семьи, в которой несколько поколений работали препараторами в лучших мастерских Москвы (у Лоренца, Бланка, в Дарвиновском музее). Работы тов. Федулова отличаются высоким художественным мастерством и знанием животных. Кроме того, тов. Федулов является очень хорошим полевым препаратором, принимавшим участие в многочисленных научных экспедициях” (Архив МГУ, ф.54, оп.1 и 1л, ед.хр.138, л.88об).

Петр Семенович Савельев учился и работал в чучельной мастерской Бланка, а также принимал участие в Монгольской экспедиции известного географа и путешественника П.К. Козлова (1926 г.).

В 1940 г. работы в таксидермической мастерской распределялись следующим образом: остеологические препараты и инъекции готовил Н.А. Бухтеев, а чучелами занимались В.К. Федулов и П.С. Николаев.

В довоенный период в таксидермической мастерской был изготовлен целый ряд интересных экспонатов Зоомузея: в 1932 г. — скелет гренландского кита, 1935 г. — чучело льва самца, 1939 г. — серия самцов турухтана. В 1939 г. изготовлено всего 14 чучел млекопитающих.

Помимо таксидермической, работала и столярная мастерская (по крайней мере, до 1939 г.).

Несмотря на некоторое расширение своей территории (освобождение нижнего зала и др.), Зоологический музей продолжал испытывать затруднения с помещениями. “Предполагавшееся строительство здания МГУ не состоялось, проект перестройки, намеченный к осуществлению с 1 апреля 1937 г., внес только некоторые нежелательные изменения плана и путаницу в работе, т. к. был начат частичный перенос имущества музея” (Архив МГУ, ф.54, оп.1 и 1л, ед. хр.12, л.159).

Сразу после прихода в музей нового директора им были набраны новые сотрудники. 1 января 1932 г. были зачислены старшими научными сотрудниками В.Г. Гептнер, Г.П. Дементьев, А.Н. Желоховцев и Б.С. Кузин, работавшие в музее и ранее, а также младший научный сотрудник А.Н. Дружинин. 15 января в музее приступили к работе научные сотрудники Н.В. Шибанов, Г.В. Никольский и С.Д. Перелешин. Заместителем директора по научной части был назначен С.С. Туров. Были образованы отделы: филогении (заведующий по совместительству Б.С. Матвеев, сотрудник А.Н. Дружинин), млекопитающих (зав. В.Г. Гептнер), орнитологии (зав. Г.П. Дементьев), герпетологии (зав. Н.В. Шибанов), ихтиологии (зав. Г.В. Никольский), беспозвоночных животных (зав. Г.Г. Абрикосов, принятый в музей 1 июня 1932 г.). Эти отделы и экспозиционная часть первоначально были соединены в три отделения: научно-систематическое, филогенетическое и охотничье-промысловое (зав. С.Д. Перелешин) (Архив МГУ, ф.54, оп.1 и 1л, ед. хр.12, л.1).

В 1940 г. Г.В. Никольский стал одновременно заведовать вновь созданной кафедрой ихтиологии МГУ. В 1935 г. Б.С. Кузин был арестован, и заведование отделом энтомологии принял А.Н. Желоховцев. С 1936 г. в том же отделе работал Г.А. Костылев, инженер по образованию, энтомолог-любитель, специалист по систематике перепончатокрылых (до этого несколько лет он был сверхштатным сотрудником музея). В отделе энтомологии работал А.Ф. Каменский (1935–1936 гг.), в то время студент МГУ, занимавшийся жуками. В отделе беспозвоночных животных работали в том числе сверхштатные сотрудники Я.А. Бирштейн и В.И. Сычевская, а также экскурсовод, одновременно ученый секретарь Института зоологии Н.М. Киналев. В начале 1941 г. на должность заведующего отделом вместо ушедшего на кафедру Г.Г. Абрикосова был назначен Е.В. Боруцкий.

В начале 1937 г. из музея ушел С.Д. Перелешин, а годом позже возглавляемый им ранее охотничье-промысловый отдел, существовавший только в экспозиции и не имевший научной части, был ликвидирован. Систематический порядок расположения экспонатов был полностью восстановлен. В 1938 г. заведовать отделом эволюционной морфологии (ранее филогении) вместо ушедшего с совместительства Б.С. Матвеева стал А.Н. Дружинин.

“В Музее остро ощущается недостаток младших научных сотрудников достаточной квалификации, отсюда ненормальная загрузка высококвалифицированных работников Музея подготовительными, иногда техническими работами (очистка черепов, переноска коллекций, разбор коллекций и раскладка по местам в банки, ящики, доливка спирта, обмывка банок, писание этикеток, ведение инвентарных журналов по отде-

лам и т.п.)” (Архив МГУ, ф.54, оп.1 и 1л, ед. хр.51, л.3). “Сотрудники заняты почти исключительно технической работой и, при всех своих обязанностях, очень мало времени могут заниматься научной работой” (Отчет отдела млекопитающих, 1935, с. 17). Эта ситуация сохранялась в Зоо-музее до 1990-х гг.

Директор музея В.Н. Макаров был сильно загружен работой в Комитете по заповедникам, поэтому не мог появляться в музее чаще одного-двух раз в неделю; консультации с ним в случае необходимости проводили по телефону, уделял он внимание и вечерами, и в выходные дни. В результате анонимной заметки в многотиражной газете “Московский университет”, где директор Зоо-музея и некоторые сотрудники были подвергнуты критике, руководство музея было сменено: очередная просьба В.Н. Макарова об увольнении была принята Наркомпросом.

Несколько месяцев (с мая по сентябрь 1939 г.) директором проработал аспирант-зоопсихолог Н.С. Ульянов, после его призыва в армию был назначен известный энтомолог-любитель, путешественник и сотрудник органов внутренних дел Н.Н. Филиппов. Последнему, судя по переписке, активно помогал советами все еще избегающий музея Н.Н. Плавицкий.

Московский университет в середине 1930-х гг., после своей централизации при ректоре А.С. Бутягине, начал вести борьбу за возвращение Зоологического музея: “Может ли... дирекция (ректорат — К.М.) МГУ координировать и стимулировать научно-исследовательскую работу своих институтов, если 10 институтов университета подчинены непосредственно Наркомпросу и ведут себя вполне “самостоятельно”? Два музея на территории университета также непосредственно подчинены Музейному управлению Нарком проса. Дело дошло до того, что Музей зоологии... снял вывеску МГУ и вывесил “Государственный центральный зоологический музей”, демонстрируя этим полную независимость от университета” (“Фронт науки и техники”, 1935, № 9, с. 89). В 1935 г. пошли на компромисс: к названию музея прибавили “при МГУ”; полная победа была достигнута в 1939 г. Приказом Нарком проса РСФСР от 3 ноября 1939 г. № 179 музей был передан в ведение МГУ.

К этому времени площадь музея составляла: нижний и верхний залы по 772,2 м², зал сравнительной анатомии — 262,2 м², таксидермическая мастерская 63,4 м² (Архив МГУ, ф.54, оп.1 и 1л, ед. хр.91, л.1).

В 1933–1934 гг. обсуждался вопрос о расширении экспозиционных работ в музее. Производственное совещание 26 февраля 1934 г. приняло резолюцию: “Подчинение научно-исследовательской работы Зоо-музея целиком задачам экспозиции считать невозможным, ввиду того, что по сво-

ему характеру и положению... музей является по преимуществу научно-исследовательским учреждением, и в его задачи поэтому входит не только научная работа, связанная с экспозицией и имеющая целью ознакомить посетителей с фауной СССР и мира и способствовать развитию в нем... марксистско-ленинского мировоззрения, но и научная работа по систематике и зоогеографии, далеко выходящая за пределы экспозиции” (Архив МГУ, ф.54, оп.1 и 1л, ед. хр.36, л.2).

Как и во всей стране, условия работы научных работников были непростые. Помимо стесненности помещения, были ограничены их научные контакты: “Настоящим вторично разъясняется, что вся переписка от имени зоо-музея с различными учреждениями или отдельными лицами по вопросам научным, экспозиционным, обмена коллекций, передачи коллекций, заказы и т.п. должна производиться обязательно за подписью директора музея или зам. директора” (Приказ № 66 по Зоо-музею от 9 ноября 1932 г.).

В 1935 г. были введены научные степени, отмененные в 1918 г. Степень доктора биологических наук без защиты диссертации получил Б.С. Матвеев... В 1939–1940 гг. были защищены 2 докторские и 3 кандидатские диссертации. После защиты, не получив продвижения по службе, А.В. Михеев и Н.М. Киналёв ушли из музея.

В предвоенные годы сотрудники Зоо-музея выполнили огромную научную работу по изучению фауны СССР и прилежащих стран. В 1934–1941 гг. был выпущен пятитомный “Определитель птиц СССР” (авторы С.А. Бутурлин и Г.П. Дементьев). Первый том этого издания, в несколько измененном виде, был издан на французском языке в Париже в 1935 г. Были подготовлены к печати выпуски из академической серии “Фауна СССР” по осам (Г.А. Костылев) и по наземным моллюскам (Б.Н. Цветков). К сожалению, публикации этих томов помешала война; рукописи, уже сильно устаревшие, хранятся в Зоологическом музее и поныне. В.Г. Гептнер выпустил в 1936 г. до сих пор непревзойденный учебник “Общая зоогеография” (на базе своего курса лекций на биологическом факультете МГУ). В многотомном издании “Животный мир СССР” (основные авторы — сотрудники Зоологического института АН СССР в Ленинграде) принял участие Г.Г. Абрикосов (раздел по мшанкам в 1-м томе, 1936 г.). Я.А. Бирштейн уже после ухода из музея написал раздел по высшим ракообразным в 1-й том академического издания “Жизнь пресных вод” (1940).

Силами Института зоологии МГУ было выпущено несколько томов так и не завершенного “Руководства по зоологии”. В первом томе (1937) Г.Г. Абрикосов написал раздел по Kamptozoa. Шестой том, посвя-

ценный птицам, целиком написан Г.П. Дементьевым и издан в 1940 г. Г.В. Никольский в 1938 г. опубликовал свою капитальную сводку “Рыбы Таджикистана”.

Помимо работ по систематике и фауне СССР, сотрудники музея изучали: изменчивость птиц (в первую очередь внутривидовую географическую — Г.П. Дементьев); полет птиц (Н.А. Гладков); общие проблемы зоогеографии (В.Г. Гептнер); теоретические проблемы систематики (неопубликованные тогда рукописи Б.С. Кузина); биологию птиц (А.В. Михеев).

В 1935–1941 гг. Зоомузей выпустил первые семь томов своих трудов.

Сотрудники отдела орнитологии участвовали в международных орнитологических конгрессах (Оксфорд, 1934; Руан, 1938).

Продолжалась работа по популяризации науки: Н.В. Шибанов переработал герпетологическую часть 3-го тома “Жизни животных по А. Брему”, (1939. Это издание А. Брема в пяти томах выходило под общей редакцией скончавшегося в 1936 г. А.Н. Северцова (1936–1948 гг.). В переработке отдельных разделов приняли также участие бывшие сотрудники Зоомузея Б.М. Житков (том 3, 1939; том 4, 1937; том 5, 1941) и Н.Н. Плавильщиков (том 2, 1941). С.С. Туров опубликовал книгу “Натуралист-фотограф” и другие, В.Г. Гептнер, Г.П. Дементьев и другие издали ряд популярных брошюр, посвященных млекопитающим и птицам (в основном в начале 1930-х гг.). В.Г. Гептнер принял участие в написании книги “Животный мир СССР. Птицы.” (1940).

В результате быстрого роста Зоомузея число его сотрудников увеличилось в 1930–1937 гг. с 4 до 45 (в т.ч. 16 научных сотрудников, 4 лаборанта и 7 препараторов). В 1940 г. было 18 научных сотрудников (при той же численности штата).

Для пополнения коллекций музея и изучения отечественной фауны самим музеем был организован ряд поездок и экспедиций. Особенно плодотворными были 1933–1938 гг., потом, в связи с трудностями финансирования в системе МГУ, их число и дальность снижаются.

В 1932 г. активизировалась работа с фондовыми коллекциями Зоомузея. Во избежании разбазаривания материала право пользования коллекциями стали предоставлять только по специальным разрешениям директора музея или зам. директора по научной части.

В том же году на одном из производственных совещаний обсуждали вопрос о формах инвентаризации научных коллекций (Архив МГУ, ф.54, оп.1 и 1л, ед. хр.7, л.22). В.Г. Гептнер во время одной из своих командировок специально изучил формы хранения в Зоологическом музее Академии наук в Ленинграде. Он предложил следующую схему, сохра-

нившуюся до наших дней: “В каждом отделе должна быть своя книга поступлений. Ведется инвентарная книга. В ней записываются все экземпляры. Каждый экземпляр имеет свой номер. Карточный каталог возможен не во всех отделах. Его можно иметь в отделе позвоночных. В энтомологическом отделе карточный каталог неосуществим. Должны вестись книга временной отсылки (материала — *К.М.*) и книга обмена” (л.22–23). В ходе обсуждения В.Н. Макаров предложил к пяти типам учета добавить еще каталог экспозиционных объектов.

Ставки лаборантов в Зоомузее появились только в 1937 г., до этого всеми работами по хранению занимались научные сотрудники.

В 1931–1933 гг. фондовые коллекции претерпевали большие перемещения. Ихтиологические материалы были в 1931 г. перенесены в междушкафья нижнего зала, а в 1932 г. в предоставленную комнату в подвале. Коллекции герпетологического отдела также в 1932 г. были переведены в подвал. Коллекция беспозвоночных животных в 1933 г. была перенесена из выставочных шкафов в междушкафья нижнего зала и в подвал.

Среди поступивших в довоенный период коллекций многие представляли огромную научную ценность. Помимо тех сборов, которые привозили из экспедиций и поездок сами сотрудники музея, необходимо отметить насекомых и паукообразных, собранных будущим директором музея Н.Н. Филипповым в Йемене в 1930 г. (около 10000 экз.), сборы насекомых и пауков из Уссурийского края (В.И. Перелешина, 1931 г., около 5000 экз.) и др. В 1936–1937 гг. А. Мольтрехт смонтировал и поставил коллекцию бабочек Дальнего Востока, пожертвованную им музею. В 1937 г. поступила в обмен из Дарвиновского музея коллекция птиц Алтая и Монголии покойного академика П.П. Сушкина. В том же году Московское общество испытателей природы передало на хранение в Зоомузей свою орнитологическую коллекцию (около 5500 экз.).

В 1939 г. фондовая коллекция размещалась на площади 455,91 м². Условия хранения коллекций далеко не всегда были наилучшими: “Помещение, в котором хранятся научные коллекции, крайне неудовлетворительно и носит скорее случайный характер. Большие коллекции птиц и млекопитающих хранятся на хорах Верхнего зала. Ограниченность помещения создает невозможность нормальной работы над коллекциями. Сундуки громоздятся в несколько рядов, часть материалов хранится на шкафах и даже в экспозиционном зале. Коллекция беспозвоночных хранится в темном и сыром подвальном помещении и подвергается порче от крыс (1939 г — *К.М.*)” (Архив МГУ, ф.54, оп.1 и 1л, ед. хр.176, л.84). “Для улучшения хранения (насекомых в 1939 г. — *К.М.*) необходимо заменить 444 старых ящика, 141 оригинальную коробку Мочульского

(середина XIX века — К.М.) и около 200 различных коробок, пришедших в полную негодность” (Архив МГУ, ф.54, оп.1 и 1л, ед. хр.176, л.14).

Сотрудники музея активно занимались преподавательской деятельностью как в МГУ, так и в других высших учебных заведениях. Так, профессор В.Г. Гептнер читал студентам биологического факультета МГУ курс лекций “Зоогеография” и вел занятия по систематике млекопитающих. Одновременно он был профессором Московского городского педагогического института. Б.С. Матвеев также был профессором МГУ, Г.Г. Абрикосов — доцентом МГУ и Московского областного педагогического института, Н.В. Шибанов — ассистентом 1-го медицинского института, А.Н. Дружинин — доцентом Московского геологоразведочного института.

С началом Великой Отечественной войны музей сильно переменялся. В июле 1941 г. музей закрыли для посещения, в сентябре были сокращены работающие по совместительству Г.В. Никольский, Е.С. Птушенко, А.Н. Дружинин и В.А. Ватагин. На фронт ушли А.Н. Желоховцев, Н.А. Гладков, препараторы В.К. Федулов и В.А. Никулочкин. Сократили ставки экскурсоводов (их не было до 1955 г.).

В июле 1941 г. после двадцатилетнего перерыва в Зоомузей вернулся Н.Н. Плавильщиков (он стал заведовать отделом энтомологии до возвращения из армии А.Н. Желоховцева). В отдел энтомологии был принят и палеонтолог Ю.М. Залесский (работал до середины 1943 г.).

Директор музея Н.Н. Филиппов “17 октября 1941 г. выехал из Москвы, не сообщив в Музей место своего пребывания. Исполнение обязанностей директора с указанного числа было возложено ректором Университета и Наркомпросом на профессора С.С. Турова” (Архив МГУ, ф.54, оп.1 и 1л, ед. хр.97, л.79). В 1942 г. С.С. Туров был окончательно утвержден директором и оставался им почти двадцать лет — до 1960 г.

Вместе с частью организаций МГУ осенью 1941 г. в Ашхабад были эвакуированы некоторые сотрудники Зоомузея: В.Г. Гептнер, Г.П. Дементьев, Е.В. Боруцкий, Н.В. Шибанов, В.И. Цалкин и Д.Н. Гофман. В декабре 1941 г. в команду ПВО университета в Москве были отчислены Б.Н. Цветков, Г.А. Костылев, Д.М. Вяжлинский и Л.Г. Турова. После эвакуации исполняющими обязанности заведующих отделами стали: Б.Н. Цветков — по беспозвоночным, А.А. Световидова — по ихтиологии и герпетологии, А.М. Судилова — по птицам, Л.Г. Турова — по млекопитающим. Это продолжалось до возвращения эвакуированных сотрудников в Москву.

На фронтах войны погибли бывшие сотрудники Зоомузея Н.М. Киналев и А.Ф. Каменский (1941), а также одно время работавшие экскурсоводами молодые орнитологи Ю.М. Кафтановский и В.М. Модес-

тов (1942). Н.А. Гладков попал в плен и был освобожден во Франции в 1944 г. войсками союзников.

Научная работа в тяжелых условиях эвакуации продолжалась. Совершали экспедиционные поездки: В.Г. Гептнер и Д.Н. Гофман — в Бадхыз, Г.П. Дементьев и Е.В. Боруцкий — в Гасан-Кули. А.А. Световидова и Н.В. Шибанов защитили в 1942 г. кандидатские диссертации.

Для эвакуации коллекции Зоомузея из Москвы было упаковано 85 больших ящиков. “Директором музея Н.Н. Филипповым была сделана попытка эвакуировать упакованные коллекции водным транспортом, с какой целью ящики были вывезены в Южный порт на реке Москве. В дальнейшем груз этот пролежал около месяца на берегу реки и был возвращен в музей. После просмотра, просушки шкур, намокших от дождя, часть коллекций была направлена по железной дороге в Ашхабад, а часть оставлена в Музее, главным образом энтомологические коллекции, перевозка которых по мнению специалистов, угрожает гибелью от сотрясения насекомых, наколотых на булавки” (там же, л.78–79).

“Взрыв вражеской бомбы, упавшей на территорию Университета, разрушил много витрин в залах Музея” (там же, л.98). Взрывом был разбит и стеклянный потолок верхнего зала, поэтому зимой 1941/42 гг. температура в зале понижалась до -1 — -2°C . Разбитые стекла были заменены досками (сохранившимися и поныне) только в 1943 г. “...научные коллекции, в целях их сохранности частью были перенесены в Нижний зал (млекопитающие и птицы), а частью (спиртовые коллекции) были вынесены в подвал химического склада Университета. Последнее мероприятие оказалось весьма неудачным, т.к. обнаружилось, что по причине сырости в подвалах коллекции сильно портились — заплесневели пузыри, которыми были завязаны банки, отвалились наружные этикетки, кроме того нарушился систематический порядок, в который были приведены коллекции за 10 лет напряженной работы специалистов” (там же, л.98–99). В 1942 г. коллекции вернули их химического склада в музей.

5 марта 1942 г. музей снова был открыт для посетителей: работали верхний зал и зал эволюционной морфологии. Нижний зал оставался закрытым до 1945 г.: там хранились фондовые коллекции птиц и млекопитающих, перенесенные с хоров Верхнего зала.

В 1942 г. эвакуированные сотрудники Зоомузея были перевезены вместе с университетом из Ашхабада в Свердловск, а в 1943 г. они вернулись в Москву (кроме В.Г. Гептнера, задержанного ввиду немецкого происхождения в Свердловске еще на два года). В 1944–1946 (?) гг. Н.В. Шибанов, помимо работы в отделе герпетологии, был назначен заместителем декана биологического факультета. В 1943 г. заведующий отделом

ихтиологии была утверждена А.А. Световидова. Энтомолог Г.А. Костылев скончался в Москве в феврале 1942 г. В 1945–1950 гг. вместо тяжело больного Е.В. Боруцкого заведовал отделом беспозвоночных животных И.И. Малевич. Б.Н. Цветков в 1942 г. был откомандирован в совхоз “Красная Пахра” для “восстановления хозяйства”. Позже он заболел и скончался в Москве весной 1945 г. Д.Н. Гофман стал и.о. заведующего отделом эволюционной морфологии.

В течение войны штат таксидермической мастерской сократился с 6 до 2, а с августа 1942 г. (после ухода Н.К. Назьмова) до одного человека — П.С. Николаева. Работа по изготовлению экспозиционных объектов не прекращалась: в 1942 г. было сделано чучело ядозуба, в 1942–1943 гг. — чучело электрического угря, в 1945 г. — чучело летучей собаки. Новые экспонаты появились и у энтомологов: в 1945 г. была создана сохраняющаяся и до сих пор экспозиция по теме “Мимикрия у насекомых”.

В Москве не прекращалась научная работа. В 1944 г. защитила кандидатскую диссертацию З.Г. Паленичко.

Продолжалась экспедиционная деятельность. В 1943 г. С.С. Туров ездил в экспедицию на Кавказ. З.Г. Паленичко в 1943–1945 гг. изучала на Белом море биологию двухстворчатого моллюска мидии.

Эвакуированные коллекции были в 1942 г. перевезены из Ашхабада в Свердловск, а в 1943 г. в Москву. В 1944 г. спиртовые коллекции отдела беспозвоночных были перенесены в нижний зал и в комнату № 100. В 1945 г. коллекции млекопитающих и птиц возвратили на хоры верхнего зала. Герпетологические материалы перевели из подвала на 1-й этаж, за их счет в подвале был расширен ихтиологический отдел. Шкафы с энтомологическими коллекциями переместили с хоров верхнего зала в нижний.

Поступления коллекций военного времени не очень разнообразны.

Сотрудники музея даже в эвакуации не прерывали лекционной деятельности. Так, в 1943 г. В.И. Цалкин в Свердловске читал курсы по биологии водных млекопитающих для студентов биологов и по зоологии позвоночных для зоологов.

В 1945 г. В.Г. Гептнер дал интервью отделу иностранной информации Совинформбюро о работе музея во время войны.

В 1945 г. открылся и нижний зал Зоомузея. Число посетителей стало возрастать. В 1946 г. в залах музея еще не были восстановлены шторы (наследие военного времени), что вредно сказывалось на выставленных коллекциях. Экспозиция была сохранена в том же виде, как и в довоенное время.

Помимо постоянной экспозиции, в залах музея были развернуты дополнительные выставки: в 1946 г. — памяти А.П. Богданова, колорад-

ский картофельный жук, одомашнивание пушных зверей и звероводство, в 1946–1947 гг. — история и современное состояние акклиматизации животных, в 1947 г. — фауна Московской области, в 1948 г. — “Заветы К.Ф. Рулье и А.П. Богданова русским ученым”, “Б.М. Житков — продолжатель направления Рулье–Богданова”, “Памяти Л.Г. Капланова”, “Памяти К.Ф. Рулье”. Увлечение историей биологии в 1940–1950-е гг. — следствие начавшейся в 1946 г. борьбы за патриотизм и против космополитизма в науке. В исторических изысканиях приняли участие многие московские зоологи (С.И. Огнев, Г.П. Дементьев, А.М. Судиловская и др.).

В конце 1940-х гг. началось строительство новых зданий МГУ на Ленинских горах. Ряд подразделений МГУ был временно перемещен в Зоомузей, который в 1953–1954 гг. даже пришлось полностью закрыть для посетителей. В 1951 г., например, в зале сравнительной анатомии разместили книги, отобранные для библиотеки Зоомузея из Института зоологии (другая часть институтских книг была влита в общую библиотеку биолого-почвенного факультета на Ленинских горах, откуда зоологические издания постепенно передавали в музей вплоть до самого последнего времени). У отдела млекопитающих в 1951–1952 гг. под склад для “нового университета” были изъяты подвальные помещения: разборочная, хранилище шкур крупных копытных, чучельная и остеологическая комнаты. В 1953–1954 гг. и другие коллекции пришлось переместить в выставочные залы. В помещениях музея в это время разместились: музей земледелия МГУ, мастерская по изготовлению научных пособий и проч. Для произведения ремонта музея сотрудники занимались обшивкой бумагой сундуков, шкафов и витрин.

Оставались сложности с размещением сотрудников и коллекций. Даже директор музея не имел собственной комнаты; он сидел в общей комнате вместе с профессорами Г.П. Дементьевым и В.Г. Гептнером. После кончины заведующего кафедрой зоологии позвоночных С.И. Огнева В.Г. Гептнер переехал в его кабинет этажом выше, и в комнате остались работать два профессора. Помещение для канцелярии также отсутствовало (она размещалась в одном из отделов).

Директором музея оставался С.С. Туров. В 1945–1954 гг. наблюдается постепенное снижение среди научных сотрудников музея доли высококвалифицированных специалистов. В 1950 г. было отказано в совместительстве таким сотрудникам, как В.Г. Гептнер, Г.В. Никольский, И.И. Малевич, В.И. Цалкин, К.В. Арнольди. Все они вынуждены были уйти из музея. Годом раньше из музея ушел Г.П. Дементьев; Н.В. Шибанов был избран заместителем декана факультета в 1946 г., и отдел герпетологии более 10 лет оставался без квалифицированного научного работника.

Отделом экспозиции заведовал Н.Н. Плавильщиков. В 1946 г. был демобилизован и вновь приступил к заведованию отделом энтомологии А.Н. Желоховцев. В этом же отделе работал ученик профессора Г.А. Коженикова, специалист по систематике и экологии муравьев и жуков К.В. Арнольди (его коллекции были переданы в отдел уже в 1980-е годы).

В 1946 г. общее число научных сотрудников музея составило 20 человек (против 18 в 1940 г. и 16 в 1937 г.). В 1953 г. их число снова сократилось до 17. Постоянно возрастала доля научных сотрудников-женщин: 1937 г. — 2 из 16, 1940 г. — 3 из 18, 1946 г. — 6 из 20, 1953 г. — 8 из 17.

Продолжала свою работу таксидермическая мастерская. В 1951 г. скончался заведующий мастерской старейший таксидермист музея П.С. Николаев. Заведование мастерской перешло к В.И. Пивоварову. В 1953 г. мастерская была временно переведена в зал сравнительной анатомии, где её вскоре закрыла пожарная охрана.

Помимо изготовления большого количества чучел, тушек, отделки шкур и проч., в мастерской проводили ремонт и обновление старых экспонатов. Вели работу и с беспозвоночными животными, хотя в основном этим занимались сотрудники и лаборанты соответствующих научных отделов музея.

Объем научной работы сотрудников Зоомузея несколько не сократился по сравнению с довоенным временем. В 1951–1954 гг. под общей редакцией профессора Г.П. Дементьева и Н.А. Гладкова было выпущено 6-томное издание “Птицы СССР” (седьмой том, справочно-библиографический, не был принят издательством и остался в рукописи). В написании очерков по отдельным группам птиц приняли участие сотрудники музея Е.П. Спангенберг и А.М. Судиловская, а также работавшие в музее в довоенное время и не порывавшие с ним Е.С. Птушенко и А.В. Михеев. Е.П. Спангенберг и А.М. Судиловская были удостоены за участие в этом издании Государственной премии 1952 года. Государственную премию 1950 года, в числе других, получили Г.В. Никольский и Е.В. Боруцкий за разработку и биологическое основание системы мероприятий по повышению рыбной продуктивности р. Амур. Амурская ихтиологическая экспедиция МГУ работала в 1945–1949 гг., позднее были опубликованы несколько томов её трудов.

В 1952 г. Е.В. Боруцкий издал труд в серии “Фауна СССР. Ракообразные. Том III, вып. 4” по гарпактикоидам пресных вод.

В целом научная работа стала носить, по сравнению с довоенным временем, более прикладной характер. Появились темы, связанные с лесополосами в районе Камышина-Сталинграда (животным миром занимались териологи, орнитологи и энтомологи), с рациональным ведением

рыбного хозяйства (Амурская экспедиция, изучение формирования фауны рыб только что созданного Рыбинского водохранилища).

Сотрудники университета в те годы принимали мало участия в изданиях, организованных Академией наук. Из сотрудников Зоомузея только Е.В. Боруцкий написал очерки по фауне мокриц для многотомника “Животный мир СССР” в выпуски, посвященные зоне степей (1950) и зоне пустынь (1948). Он же принял участие в 3-м томе “Жизни пресных вод” (1950).

После большого перерыва, в 1951 г., удалось выпустить 7-й том трудов Зоомузея, сданный в печать еще в 1946 г. Следующий том увидел свет еще через десять лет.

В 1945–1947 гг. в помещении музея проходили заседания Маммалогической секции Всесоюзного общества по охране природы. Еще с довоенного времени вел еженедельно свои орнитологические семинары Г.П. Дементьев. Целиком на занятия по истории Зоомузея и зоологии в Москве переключился Д.М. Вяжлинский. 12 декабря 1946 г. в музее прошло торжественное заседание памяти А.П. Богданова.

В 1947–1952 гг. были защищены две докторские и две кандидатские диссертации. Лишь один сотрудник из четырех защитившихся в дальнейшем посвятил свою жизнь Зоомузею МГУ — Н.Л. Сокольская. Прочие по разным причинам вскоре покинули музей.

За работы в области зоологии в 1953 г. были присуждены правительственные награды: орден Ленина — Е.В. Боруцкому, ордена Трудового Красного Знамени — А.М. Судиловской и Г.П. Дементьеву.

Много сил отдавали сотрудники музея популяризации научных знаний: статьи и книги писали Г.П. Дементьев, Н.А. Гладков, Е.П. Спангенберг, Н.Н. Плавильщиков и др. Ряд сотрудников принял участие в работе над вторым изданием Большой Советской энциклопедии (А.М. Судиловская, Н.Н. Плавильщиков и др.).

“Научный персонал Зоомузея по-прежнему получает чрезвычайно низкую заработную плату, так что зарплата профессора — заведующего отделом равна примерно зарплате ассистента в других университетских учреждениях” (Отчет Зоомузея за 1946 г. Архив МГУ, ф.54, оп.1 и 1л, ед. хр.97, л.259–260). “...сотрудники не обеспечены нормальными ставками научно-исследовательских учреждений (их ставки в 2–3 раза ниже зарплаты работников институтов) и не пользуются нормальным отпуском” (Отчет Зоомузея за 1953 г. Архив МГУ, ф.54, оп.1 и 1л, ед. хр.205, л.24). Неудивительно поэтому и текучесть кадров в музее.

Сотрудники музея пытались вести борьбу за улучшение условий работы. На одном из производственных совещаний в 1950 г. Н.А. Глад-

ков говорил: "... нас не считают за научное учреждение ни на факультете, ни в министерстве. Наблюдается картина ухода ряда сотрудников Музея, почти массовый переход на совместительство" (Архив МГУ, там же, ед. хр.118, л.2). В 1951 г. обсуждали проект письма ректору МГУ о превращении музея в равноправного члена Биолого-почвенного факультета: предлагали создать лабораторию по изучению и реконструкции фауны СССР. Такая лаборатория (с иным, более современным названием) была создана в музее лишь 35 лет спустя!

Штатные единицы экскурсоводов до середины 1950-х гг. в музее отсутствовали, и проведение экскурсий было возложено на научных сотрудников. В 1952 г. месячная норма экскурсий была: для заведующего отделом — 25, для старшего научного сотрудника — 30 и для научного сотрудника — 35. Экскурсии проводили по специальности отдела; во всем музее от их проведения был освобожден только Е.В. Боруцкий "ввиду болезненного состояния" (Архив МГУ, там же, ед. хр.125, л.15).

Сотрудники музея по-прежнему работали в условиях большой тесноты: "Нижний зал перегороден фанерой, за которой размещены коллекции и Лаборатории двух отделов (энтомологического и беспозвоночных). Здесь среди шкафов, поставленных один на другой в два ряда, ютятся на ничтожной площади в 33 кв. метра 7 человек научных сотрудников... кроме того 7 студентов, имеющих постоянные места, и приезжающие ученые с периферии (Архив МГУ, там же, ед. хр.119, л.2). Д.М. Вязлинский и Л.Г. Турова имели места на хорах верхнего зала.

Для улучшения ситуации в 1948 г. была подана докладная записка ректору МГУ академику А.Н. Несмеянову с просьбой передать Зоомузею все помещения бывшего Зоологического корпуса, занятые зоологическими кафедрами. В дальнейшем, при переезде кафедр в новое здание эта просьба была выполнена лишь частично.

В 1948 г. ухудшилось и финансовое положение музея: текущий счет Зоомузея был закрыт, и все операции по спецсредствам стали проводить через бухгалтерию университета (а она расходовала эти средства без учета их принадлежности). В эти годы и позднее из-за недостатка средств пришлось отменить ряд командировок (на Дальний Восток, в Среднюю Азию и проч.).

Как и во всем университете, в музее усилилось администрирование: "Категорически запрещаю держать на столах в лабораторных помещениях открытыми: рукописи работ, переписку отделов и лабораторий и прочие документы, относящиеся к деятельности музея или данного отдела. В нерабочее время все указанные материалы должны храниться под замком в рабочих столах или сдаваться на хранение в канцелярию

музея" (приказ директора музея; Архив МГУ, там же, ед. хр.110, л.1). Во время праздников (1 мая или 7 ноября) тщательно пряталась и опечатывалась вся "множительная техника" (т.е. печатные машинки), назначались специальные дежурные по МГУ и по факультетам и проч., причем такая деятельность продолжалась вплоть до 1960-х годов и даже позднее.

Продолжались экспедиционные работы сотрудников Зоомузея. В послевоенное время самостоятельные экспедиции музеев не устраивал, и сотрудники ездили в командировки либо присоединялись к экспедициям других организаций. Из крупных поездок можно указать работы на лесополосах в 1949–1950 гг. и на Рыбинском водохранилище в 1949–1953 гг.

За работу библиотеки Зоомузея в 1948–1953 гг. отвечала М.В. Васильева. В 1948 г. в библиотеке насчитывалось лишь 1169 книг — более чем вшестеро меньше, чем в 1916 году. Но уже через несколько лет объем библиотеки стал резко возрастать. Помимо части книг из библиотеки Института зоологии, в Зоомузей перешли книжные собрания С.И. Огнева, позднее Н.В. Шибанова, Н.Н. Плавильщикова, И.И. Малевича, Н.А. Гладкова, Г.П. Дементьева, В.В. Алпатова и других.

Больших перемен в хранительской работе, по сравнению с довоенным временем, не наступало. По-прежнему вели все типы учета, установленные в 1932 году. Для затягивания банок со спиртовыми коллекциями по-прежнему использовали бычий пузырь. Сложное положение сложилось в герпетологическом отделе после ухода из музея Н.В. Шибанова. Отдел помещался в одной комнате с бухгалтерией и хозяйством музея. До 1962 г. серьезной обработки этих коллекций никто не занимался.

В первые послевоенные годы в музей поступили интересные коллекции по позвоночным животным и насекомым Западной Европы и Маньчжурии, а также Монголии. Основная масса поступлений все же состояла из животных отечественной фауны; большую часть коллекций собирали в ходе своих поездок сами сотрудники музея.

Размещение коллекций некоторых отделов оставляло желать лучшего. Так, в 1946 г. (да и позже) коллекции беспозвоночных животных размещались в четырех местах: в хранилище за перегородкой нижнего зала, в междушкафьях нижнего зала, в подвале и в узком высоком чулане, "где добраться до банок, расположенных на верхних полках можно только балансируя на высокой лестнице" (Архив МГУ, там же, ед. хр.97, л.287). "Нет ни столов, ни шкафов, где можно было бы расставить обработанные коллекции; то, что вынимается из шкафа, приходится ставить прямо на пол" (там же). Вдобавок ко всем бедствиям, в 1947 г. в этот отдел не поступили формалин и спирт, необходимые для заливки новых коллекций.

В 1952–1953 гг. фонды отделов беспозвоночных и ихтиологии пришлось из подвала временно перенести в верхний зал. Туда же поставили специальные полки для размещения костных коллекций млекопитающих, также перемещенных из подвала.

Для работы приходящих специалистов-систематиков, аспирантов и студентов в Зоомузее была создана система постоянных рабочих мест, получившая свое развитие уже после 1954 г., когда площадь помещений музея сильно возросла. В отделе энтомологии такие места имели Д.В. Панфилов, Г.А. Мазохин, Г.А. Викторов, А.К. Загуляев, И.В. Стебаев, А.Б. Ланге, А.А. Земская; все эти люди в 1960–1980-х гг. стали известными энтомологами. Специалист по моллюскам П.В. Матекин имел постоянное место в отделе беспозвоночных животных в 1946–1977 гг.

Ряд сотрудников музея читал лекции и вел занятия в МГУ, в педагогических и других вузах. В.Г. Гептнер читал лекции по курсам “Зоологии позвоночных”, “Общая зоогеография и систематика”, “География животных”. Е.В. Боруцкий и Н.Л. Сокольская принимали участие в занятиях по курсу “Фауна пресных вод” кафедры зоологии беспозвоночных животных, и проч.

С 1945 г. были возобновлены занятия со студентами МГУ по систематике млекопитающих под руководством В.Г. Гептнера; эти занятия целиком базировались на коллекциях отдела млекопитающих музея. После ухода В.Г. Гептнера из музея занятия продолжались тем же порядком еще много лет.

На базе коллекций музея в 1946 г. было проведено 14 курсов лекций и семинаров; из них на студентов-биологов МГУ приходится лишь 6, прочие занятия проводили со студентами географического факультета МГУ, охотоведческого техникума, слушателей Института усовершенствования врачей и т.д.

Подведем итоги периода 1932–1954 гг. Мы наблюдаем расцвет научной и экспозиционной деятельности музея. В эти годы в музее работают ведущие зоологи Советского Союза, профессора МГУ, авторы превосходных монографий и учебников. Выполнение учебных функций по сравнению с периодом 1917–1930 гг. если не сократилось, то стало более формальным. Мало кто из учеников профессора Г.А. Кожевникова осознавал необходимость специально заниматься воспитанием свободно и независимо мыслящих учеников, широко образованных преемников, новых “учителей”-зоологов. Все старались заниматься максимально передачей своих конкретных знаний студентам, чтением лекций, семинарами (все это постепенно сокращается, особенно в послевоенное время, и бо-

лее всего с 1950 г., после запрещения совместительства на фоне низкой заработной платы), а также научным творчеством (хотя зарождения крупных идей в это время не наблюдается; скорее, напротив, есть тенденция к составлению сводных работ в более или менее традиционном духе).

При общем снижении культурного уровня нового поколения научной интеллигенции в послевоенное время (при огромном возрастании числа научных и особенно научно-технических работников) одних лишь лекций и семинаров оказалось недостаточно. При общем увеличении объема зоологических знаний широкое образование в этой области становится все более затруднительным. В дальнейшем единая зоологическая школа раздробилась на группы и даже на единичных узкоспециализированных зоологов, более связанных с Академией наук, с её институтами, чем с университетами. И таким образом (уже в 1960–1970-е годы) произошел еще один отрыв зоологии от своей почвы, от непосредственного общения с подрастающим поколением, со студенчеством.

Научная работа сотрудников Зоомузее в 1932–54 гг. состояла в основном в разработке фундаментальных проблем, связанных с “описательной зоологией”, как она преподавалась и понималась в университете в 1920-е годы. Занимались изучением фауны и зоогеографии Советского Союза, исследовали внутривидовую изменчивость животных. Изучение отдельных видов отчасти переключилось на экологическую тематику (А.В. Михеев, Н.М. Киналев). Таким образом, как и в прежние годы, систематика животных сводилась к описанию новых видов и подвидов, в крайнем случае родов. Практически никто не пытался изучать систематику высших таксонов, тем более принципы систематики в целом. Единственное исключение — Б.С. Кузин, оказавшийся “чужеродным телом” в советской действительности 1930-х годов. Публикации его работ по теории систематики появились позже — одна статья в 1962 г. и отрывок из монографии в 1987 г. Главные же работы Б.С. Кузина еще ждут своей публикации.

В послевоенные годы под давлением руководства университета и руководства наукой произошло некоторое смещение исследований Зоомузее в чисто прикладную сторону. Интересно, что от первых попыток такого давления в 1930–1931 гг. удалось спастись переходом в непосредственное ведение Наркопроса. Послевоенное давление сказалось более на работах факультета, чем на Зоомузее. Один из деканов факультета, небезызвестный И.И. Презент даже считал музей “отжившей формой” существования науки и воспрепятствовал проектированию и строительству корпуса естественноисторических музеев на Ленинских горах; вместо этого там был разбит “агроботанический” сад.

Силы высококвалифицированных ученых отрывались на борьбу с малограмотными администраторами. Именно в эти (1948–1951) годы велась борьба за сохранение системы заповедников в СССР, окончившаяся в 1951 г. изменением статуса заповедников (они стали выполнять хозяйственные функции — заготовки сена, сбор грибов и проч.) и резким сокращением их числа. Главная тяжесть этой борьбы приняли на себя профессор МГУ А.Н. Формозов, Г.П. Дементьев и др. Участь заповедников удалось смягчить — по сравнению с первоначальными планами полной их ликвидации.

Есть и положительные примеры участия зоологов в работе административной системы. Так, в 1946 г. В.Г. Гептнер по предложению ЦК ВКП(б) составил записку “О состоянии пушного промысла в СССР и путях его развития”. Он же принимал участие в проведении постановлений правительства РСФСР “О лицензионном промысле ценных пушных видов” и “О состоянии дела охраны природы в РСФСР”.

Тяжело отозвались на положение зоологии и борьба с администрацией Лысенко, возглавившей факультет осенью 1948 г. (декан И.И. Препент). Несмотря на то, что сама генетика была “насильственно” введена в систему зоолого-ботанического воспитания в 1930 г. (создание кафедры генетики и др. под лозунгами “приближения к жизни”, “к производству”, “к сельскому хозяйству” и проч.), в 1948 г. большинство зоологов не приняло еще более насильственных методов руководства И.И. Препента. Сотрудник музея Н.А. Гладков в 1948–1949 гг. был заместителем декана факультета, но ушел с этой должности, не выдержав постоянных конфликтов. Другой зоолог, профессор А.А. Захваткин (сотрудником музея он не был) также был назначен в 1948 г. заместителем декана, но не вынес этой работы и скончался от кровоизлияния в мозг в 1950 г.

В целом к 1950-м годам ситуация в науке сложилась не в пользу фундаментальной, тем более описательной зоологии. Еще в 1930-е годы по всей стране сократились работы по систематике животных. Для изучения позвоночных животных этот процесс был, по-видимому, естественным: морфологическая систематика перешла в изучение экологии и вообще биологии отдельных видов, вопросы же сравнительной (филогенетической) морфологии ушли из стен музея вместе с учениками академика А.Н. Северцова. Но изучение гораздо более многочисленных беспозвоночных животных было еще далеко не завершено даже на уровне описания новых родов и видов. К сожалению, обширные систематические работы по беспозвоночным животным развернулись у нас в стране лишь в 1970-е годы (это видно хотя бы по возрастанию числа публикаций).

Высланный в 1935 г. в Казахстан Б.С. Кузин не рассматривал свою

ссылку как несчастье и трагедию; напротив, он полагал, что заниматься теорией систематики в Москве он просто не смог бы: не хватило бы сил и времени на спокойное размышление. Сходной точки зрения придерживался и другой систематик, А.А. Любищев, вышедший из ленинградской школы зоологии. Он проживал после 1938 г. на периферии (Киев, Фрунзе, Ульяновск). В действительности, отрыв от коллекций ведущих музеев, от научной литературы, от живого общения с коллегами-систематиками отрицательно сказался на творчестве этих ученых, много сил потративших на переписку между собой по теоретическим вопросам (в этой переписке принял также участие и профессор Е.С. Смирнов, заведующий кафедрой энтомологии МГУ).

В 1954 г. биолого-почвенный факультет МГУ переехал в новое здание на Ленинских горах. Прекратился естественный и живой контакт между студентами университета и музеем, его сотрудниками и коллекциями. “Отрыв музея от факультета отзовется отрицательно, как на преподавании зоологии, так и на научной деятельности преподавателей, аспирантов факультета” (Архив МГУ. Там же, ед. хр. 123, л. 43). Эти слова директора музея С.С. Турова в дальнейшем полностью подтвердились. Уже в 1960-е годы изучение и преподавание морфологии и систематики животных начало замещаться прикладными проблемами: биоакустикой, биофизикой, биотехнологией и проч. К счастью, до сих пор в университете сохраняется основа зоологического воспитания студентов — система больших практикумов на кафедрах зоологии позвоночных, ихтиологии, энтомологии и зоологии беспозвоночных. Но и с этим пытаются вести борьбу: так, в 1987 г. был значительно сокращен большой практикум на кафедре зоологии позвоночных.

Причины изменения ситуации в зоологии лежат, конечно, не в “борьбе” университета с музеем. Бедствия, выпавшие на долю и самой фундаментальной зоологии, и Зоомузея, были следствием изменения структуры науки и всей культурно-исторической ситуации в стране.

1954–1978

Наступил один из наиболее сложных периодов в истории Зоомузея, связанный с кризисом фундаментальной зоологии. Происходит постепенное снижение уровня научной работы, широты охвата материала. К 1970-м годам практически полностью прекращается преподавательская работа среди студентов МГУ и других вузов. Вместе с тем хранение коллекций и экспозиционная работа велись по-прежнему на высоком уровне. Более того, вследствие расширения помещений в 1954 г. и в 1970-е годы хранение коллекций было значительно улучшено.

Формально этот период ограничен двумя событиями: выездом организаций биолого-почвенного факультета в новое здание в 1954 г. и полное закрытие Зоомузея на ремонт и перемену экспозиции в 1978 г.

Административно в 1955 г. Зоомузей был окончательно подчинен биолого-почвенному (позднее биологическому) факультету МГУ. Директор музея, наконец, получил отдельный кабинет (ныне комната 16), соседнюю комнату занял заведующий экспозицией профессор Н.Н. Плавильщиков (позднее Н.П. Куликова и Л.Г. Марусова).

После перерыва, связанного с переездом ряда университетских подразделений на Ленинские горы и ремонта музея, его залы были снова открыты для посещения в мае 1955 г. (с 10 до 16 часов, выходной, как и теперь, понедельник). В воскресные дни в канцелярии музея дежурили сотрудники музея.

В 1956 г. был издан (впервые после 1925 г) путеводитель по Зоологическому музею МГУ, написанный С.С. Туровым. К 1960 г. было подготовлено второе издание, которое не состоялось (макет этой книги хранится в музее).

В музее регулярно проводили выставки по самой различной тематике. В 1955 г. прошла выставка к 200-летию МГУ, посвященная истории Зоомузея, в 1957 г. — “Деятельность музея за 40 лет Советской власти”, в 1959 г. — “К истории орнитологических коллекций Зоомузея” и “Таксидермическая выставка”, в 1960–1961 гг. — “Коллекции, присланные Зоомузею из Кореи, Китая и Вьетнама”, в 1961 г. — “Охрана и обогащение фауны СССР” (к XXII съезду КПСС), в 1963 г. — “Птицы нашей страны в искусстве”, в 1964 г. — “Художник В.А. Ватагин”, в 1965 г. — “Миграции и кольцевание птиц”, в 1970 г. — “Охрана природы и заповедники Советского Союза” (к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина), в 1972 г. — к 50-летию образования СССР, в 1974 г. — к 150-летию со дня рождения французского энтомолога-натуралиста Ж.А. Фабра, в 1976 г. — “Охрана животного мира”, в 1977 г. — “Зоомузей за 60 лет Советской власти”.

Изредка организовывали выставки и вне стен музея: в 1959 г. в ректорате МГУ “Московский университет в помощь сельскому хозяйству” (к XXI съезду КПСС), в 1964 г. — выставка животных во Дворце пионеров на Ленинских горах.

Музей за эти годы дважды выставлял свои экспонаты за рубежом. В 1960 г. он принял участие в орнитологической выставке в Бельфоре (Франция), организованной французским обществом по изучению и акклиматизации птиц в Монтбельяре. Экспонаты по млекопитающим животным были представлены в 1967 г. на Международной выставке охотничьих трофеев в Белграде (Югославия), где завоевали 8 золотых, 4 серебряных и 8 бронзовых медалей. Рога лося, добытого Л.Г. Каплановым, получили там звание “чемпиона мира”.

Экспозиция залов музея большим изменениям в эти годы не подвергалась, были произведены лишь некоторые дополнения. В 1956 г. в верхнем зале создали витрины, посвященные слонам и китообразным, в нижнем зале — по простейшим животным, а также по паукообразным и многоножкам. В 1970–1971 гг. создали витрину “Фауна коралловых рифов и прибрежных вод о. Куба”, в 1972 г. открыли дополнительную витрину по беспозвоночным животным, посвященную малощетинковым червям, мшанкам и плеченогим. Вскоре после кончины профессора Г.П. Дементьева по его материалам в 1970 г. была создана витрина “Ловчие птицы и охота с ними”, сохранившаяся и поныне, в реконструированной экспозиции.

Экспозиция музея в 1950-е гг. пополнялась новыми картинами художника В.А. Ватагина. В 1956 г., например, он нарисовал 4 картины, посвященные слонам, а также “Лошадь Пржевальского”, в 1957 г. — “Тур” и “Трубказубы”.

В середине 1970-х гг. Зоомузей вступает в период реконструкции. Летом 1976 г. нижний зал музея закрыли в связи с аварийным состоянием пола (аналогичные работы проводили и в дореволюционное время: под полом этого зала нет подвальных помещений, и вследствие вымывания песчаного грунта образуются большие полости); тогда же закрыли и верхний зал, на открытие которого потребовалось разрешение ректора МГУ. В 1977 г. нижний зал подвергли ремонту, а годом позже музей был закрыт окончательно. Материалы экспозиции нижнего зала были перемещены временно в зал сравнительной анатомии. По соображениям противопожарной безопасности из верхнего зала были удалены картины В.А. Ватагина и головы и рога крупных копытных животных, ранее развешанные по стенам.

В 1955 г. в Зоомузее вновь приступили к работе штатные экскурсоводы. Эту “школу” прошли многие зоологи-систематики: энтомологи В.В.

Жерихин (1967) и В.Н. Алексеев (1976–1981), орнитолог Л.С. Степанян (1955–1957), специалист по наземным моллюскам, в дальнейшем автор двух томов в капитальной серии “Фауна СССР” Ан.А. Шилейко (1963–1968), специалист по многоножкам И.Е. Локшина (1956–1959) и другие. Из оставшихся в дальнейшем в стенах музея можно указать териологов О.Л. Россолимо (1957–1959) и В.А. Долгова (1959–1962), герпетолога В.Ф. Положихину (Орлову) (1962–1963), орнитолога М.В. Калякина (1984–1989), энтомолога А.В. Антропова (1982–1986), специалистов по беспозвоночным животным Д.Л. Иванова (1981–1982, моллюски) и К.Г. Михайлова (1983–1989, пауки).

До 1960 г. директором музея оставался С.С. Туров (одновременно он в 1950–1959 гг. заведовал кафедрой зоологии в Московском государственному педагогическом институте). Позднее должность директора занимали по совместительству С.Г. Соин (1960–1963) и Н.А. Гладков (1964–1969). С 1969 г. директором музея стала О.Л. Россолимо.

В эти трудные для музея годы один за другим уходили представители старшего поколения зоологов, получившие образование и воспитание еще в 1910–1920-е годы. Многие из вновь поступающих на работу сотрудников долго в музее не задерживались, смущенные низкой заработной платой: до 1965 г. старший научный сотрудник музея получал 79 или 98 рублей в месяц!

Условия труда несколько улучшились в 1960 г. в связи с переводом всей страны на 7-часовой рабочий день. В 1965 г. удалось добиться перевода научных сотрудников музея на ставки кафедр биолого-почвенного факультета с соответствующим повышением оклада: теперь старший научный сотрудник получал уже 250, а младший — 105 рублей в месяц. В дальнейшем двойственное подчинение сотрудников Зоомузея привело к неоднократным конфликтам с руководством кафедр. Ситуация была исправлена лишь в 1986 г. объединением научных сотрудников в рамках единой лаборатории таксономической зоологии и кадастровых исследований, руководство которой было возложено на директора Зоомузея О.Л. Россолимо.

Таксидермическая мастерская продолжала свою деятельность в подвальных помещениях музея. Заведующий мастерской В.И. Пивоваров привлек к работе в мастерской молодежь, желающую научиться препараторскому искусству: в 1959–1960 гг. в мастерской обучались 10 учеников из Советского Союза и Албании сроком от 1 до 12–16 месяцев. Таксидермическая мастерская вскоре была расформирована, и препараторские работы продолжались в рамках научных отделов, а также отдела экспозиции. Препараторы по-прежнему работали в тех же помещениях,

что и раньше. В качестве эксперимента в 1966 г. часть работы таксидермисты музея провели в мацерационных мастерских в пос. Лопасня (ныне город Чехов). В 1971–1972 гг. было изготовлено чучело манты, и ныне, после ремонта в 1989 г., украшающее нижний зал музея. До ремонтных работ в нижнем зале манта размещалась на одном из шкафов-витрин, позднее она была подвешена к потолку. Собственных специалистов по таксидермии Зоомузей окончательно лишился значительно позднее.

Научная работа в музее была представлена главным образом систематико-фаунистическим направлением. Н.Н. Плавильщиков опубликовал в 1958 г. монографию, посвященную жукам-дровосекам, в серии “Фауна СССР” (предыдущие два тома, посвященные этим жукам он издал в этой серии в 1936 и 1940 гг.). Последний, завершающий том Н.Н. Плавильщиков приготовить не успел, скончавшись в 1962 г. После него в серии “Фауна СССР” сотрудники Зоомузея участия не принимали. Ан.А. Шилейко опубликовал свои тома по моллюскам, уже более 10 лет не будучи сотрудником музея. Л.В. Зимина подготовила том по мухам семейства *Copropidae*, но он так и не был опубликован. Возможно, эта работа не была должным образом подготовлена. Не был также завершен том по мокрицам (Е.В. Боруцкий).

По инициативе профессора В.Г. Гептнера (работал в музее до 1950 г., далее консультант и научный руководитель отдела млекопитающих животных) — и отчасти в пику незавершенному изданию С.И. Огнева — с 1961 г. начал выходить в свет новый многотомник “Млекопитающие Советского Союза”. Это издание базировалось главным образом на изучении коллекций Зоомузея МГУ. Р.Л. Беме совместно с А.А. Кузнецовым (будущим сотрудником музея) издал в 1966 г. определитель “Птицы лесов и гор СССР”. В 1964 г. опубликован “Определитель птиц СССР”, написанный коллективом авторов; от Зоомузея в нем приняли участие Н.А. Гладков и А.М. Судилова, а также консультант отдела орнитологии профессор Г.П. Дементьев. Небольшая монография по моллюскам была опубликована в 1978 г. В.Н. Горячевым на базе его дипломной работы в МГУ.

Были продолжены выпуски трудов Зоомузея, в 1961–1978 гг. вышли 8–16-й тома.

За этот период были защищены 1 докторская (В.Е. Флинт) и 12 кандидатских диссертаций, но ситуация сложилась так, что в 1977 г. в музее не осталось на работе ни одного доктора наук.

Не все сотрудники музея активно занимались научной работой. Так, заслуженный музейщик М.В. Васильева, запланировавшая в течение 1951–1968 гг. защиту кандидатской диссертации и написание 14 статей, на са-

мом деле диссертацию не подготовила и опубликовала лишь 3 статьи и 1 тезисы доклада. Её деятельность неоднократно подвергалась критике на заседаниях отдела млекопитающих в 1966–1967 гг. Не имея склонности к научной деятельности, М.В. Васильева перешла в 1968 г. на должность экскурсовода.

Заграничные поездки сотрудников Зоомузея в эти годы немногочисленны. В 1959 г. Е.В. Боруцкий в составе советской делегации присутствовал на 4-м пленуме Международной комиссии по рыбохозяйственному исследованию в западной части Тихого океана, в 1960 г. Н.С. Калугина принимала участие в работе Международного энтомологического конгресса в Вене. В.А. Долгов проходил стажировку в Великобритании в начале 1960-х годов. В 1971 г. В.Е. Флинт выступил с докладом на 10-м Международном конгрессе биологов-охотоведов в Париже. В 1978 г. Е.Н. Матюшкин принял участие в Международном симпозиуме по содержанию и разведению тигров в Лейпциге. Из прочих поездок за рубеж можно указать визиты В.Е. Флинта в Кению в 1969 и 1973 гг. по природоохранной тематике и ознакомительную поездку О.Л. Россолимо в Польшу в 1975 г.

Сотрудники музея приняли активное участие в ряде международных конгрессов, проведенных в Москве: 13-м энтомологическом (1968 г.), 1-м териологическом (1974 г.) и других.

Экспедиционная деятельность осуществлялась за счет командировок сотрудников Зоомузея (см. приложение 2) и их участия в экспедициях, организованных другими учреждениями. В 1957–1958 гг. А.А. Световидова проводила ихтиологические работы на оз. Далай-Нор в Китае. С 1976 г. экспедиционные работы регулярно проводятся в составе совместной Советско-Монгольской зоологической экспедиции (В.Ф. Орлова, Н.И. Кудряшова и др.).

Собиранием материалов по истории зоологии и Зоомузея продолжал заниматься Д.М. Вяжлинский; после ухода из музея за ним было сохранено рабочее место. К сожалению, он нелегально вывез часть богатейшего архива, хранившегося в помещении музея более 70 лет. Другая часть архивных материалов была передана в 1977–1978 гг. в архив МГУ.

В 1954 г. в связи с переездом факультета в новое здание помещения, занимаемые Зоомузеем, были сильно расширены. Отделу беспозвоночных животных была передана одна из комнат, занимаемых ранее одноименной кафедрой; этому же отделу передали часть хранилища за перегородкой нижнего зала. Таким образом, коллекции беспозвоночных животных были полностью переведены из подвальных в более пригодные для хранения и обработки помещения. В комнатах слева по коридору, ведущему в зал сравнительной анатомии (ранее там была малая зоо-

логическая аудитория и библиотека кафедры зоологии позвоночных) разместились отделы ихтиологии и сравнительной анатомии. В комнатах справа по тому же коридору поместили отдел энтомологии. Помещения же бывшей кафедры энтомологии (за залом сравнительной анатомии) передали отделу сравнительной анатомии музея. Орнитологи получили дополнительно три комнаты на четвертом этаже. Часть отдела орнитологии и териологии работали на хорах верхнего зала. Герпетологический отдел продолжал размещаться в комнате 2; часть коллекций этого отдела хранилась в междушкафьях нижнего зала.

В 1961 г. отдел ихтиологии получил для хранения еще одну комнату. Позднее, в 1971 г., удалось освободить третий этаж музея (там разместили отдел териологии) и комнату № 6 (её отдали отделу беспозвоночных животных). Соответственно хоры верхнего зала были целиком переданы орнитологом. В 1974 г. весь отдел сравнительной анатомии переехал на 1-й этаж, в бывшую квартиру академика А.Н. Северцова, а прежние помещения отдела на 2-м этаже передали ихтиологам. В 1978 г. на тот же этаж, в бывшую квартиру профессора С.С. Турова и другие помещения переехал отдел герпетологии; комнату № 2 отдали беспозвоночным животным для хранения коллекций моллюсков.

Все эти годы музей обильно пополнялся коллекциями, главным образом с территории Советского Союза. В отдел энтомологии поступили крупные коллекции мух Е.С. Смирнова (10 500 экз.) и жуков А.В. Богачева (107 000 экз.). Из зарубежных коллекций интересны поступления насекомых из Австралии от К. Эшби в 1956–1970 гг. и из Бразилии от В.Н. Алина с 1969 г. С середины 1970-х гг. во все отделы начали поступать коллекции из Монголии (преимущественно млекопитающие, рыбы, рептилии и амфибии, клещи). Во время 13-го энтомологического конгресса в Москве в 1968 г. с коллекциями насекомых музея ознакомились 85 специалистов из зарубежных стран.

В некоторые отделы поступления шли в эти годы преимущественно по тем группам, которыми занимались либо сами сотрудники музея, либо часто приходящие для обработки кураторы коллекций. Так, в отделе беспозвоночных животных более всего поступило малошютинковых червей для Н.Л. Сокольской, мокриц для Е.В. Боруцкого и клещей для Н.И. Кудряшовой, а также ракообразных животных от кураторов (внештатных) Н.А. Заренкова и Г.Б. Зевинной. Экскурсовод Ан.А. Шилейко передал свои многотысячные сборы по наземным и пресноводным моллюскам. В такие отделы, как энтомологический или териологический, напротив, принимали любые коллекции, независимо от специализации сотрудников музея.

В отделе ихтиологии возникли сложности с хранением и обработкой коллекций в 1969 г., когда пожарная инспекция опломбировала его помещения. Работы в отделе были свернуты до 1972 г. К тому же отдел находился “в очень тяжелом положении — коллекции ставить уже некуда — напихано везде, где только можно” (отчет отдела за 1966 г., с. 8). После расширения отдела в 1974 г. положение улучшилось.

После начала ремонтных работ в 1978 г. коллекции беспозвоночных животных были переведены из хранилища в нижнем зале в подсобные помещения.

В 1960 г. в отделе орнитологии сделали попытку создать фонотеку голосов птиц: поступило даже 3 ленты с записями от Б.Н. Вепринцева; но в дальнейшем такая коллекция была создана на кафедре зоологии позвоночных животных, где хранится и поныне.

В отделах музея продолжала функционировать система предоставления постоянных рабочих мест для приходящих сотрудников других организаций. Такие места занимали видные орнитологи Л.С. Степанян (1961–1973), Е.С. Птушенко (1955–1969), А.А. Кищинский (1968–1973), сотрудники бюро кольцевания птиц (1957–1971), известные энтомологи В.В. Жерихин (1960–1967), А.Г. Креславский (1965–1966), А.П. Расницын (1956–1958 и с 1976 г.), Г.М. Длусский (с 1976 г.), Д.В. Панфилов (1957–1967), Г.А. Викторов (1957–1966), А.В. Алексеев (1954–1965), Т.С. Перель (с 1958 г.), И.И. Малевич (1955–1967), Н.И. Тарасов (1956–1965), Г.Б. Зевина (с 1956 г.), Ан.А. Шилейко (с 1968 г.), Н.Т. Залеская (с 1973 г.). До сих пор (1989 год! — *К.М.*) еженедельно приходят в музей для работы с коллекциями А.П. Расницын, Г.М. Длусский, Т.С. Перель и Ан.А. Шилейко. Многие из перечисленных выше ученых ранее работали сотрудниками музея.

Приходящие специалисты, в меру своих сил и возможностей, занимались, помимо изучения материала для своих исследований, еще и разборкой и этикетированием фондовых коллекций музея. Принимали в этой работе участие также и студенты, и школьники, особенно в отделе энтомологии. В большинстве случаев это поддерживало состояние коллекций на хорошем уровне, но иногда из-за небрежности специалиста инвентаризация и этикетирование сильно запутывались. Так случилось, например, с коллекциями сухопутных моллюсков в 1950-е годы и позднее. В целом, привлечение сторонних лиц к обработке коллекций (при постоянной нехватке лаборантского персонала в самом музее) имело положительное значение, особенно для обширных коллекций беспозвоночных животных и насекомых.

Постоянные занятия со студентами-биологами МГУ в эти годы были постепенно прекращены. Группа по систематике млекопитающих под

руководством Е.С. Птушенко в 1954–1959 гг., большой практикум по птицам проводил в 1960 г. Н.Н. Карташов. Занятия со студентами Московского городского педагогического института велись и в более позднее время: по курсу “Зоогеография” работал Л.С. Степанян в 1958–1962 гг.; Т.А. Адольф вела занятия по систематике птиц в 1960–1961 гг. и по систематике млекопитающих в 1961–1964 гг. Занятия по систематике птиц со слушателями факультета повышения квалификации МГПИ проводил также В.Т. Бутьев в 1968–1972 гг. Далее можно привести лишь единичные случаи чтения лекций и ведения занятий сотрудниками музея (В.Ф. Орлова, Е.Н. Матюшкин, В.Е. Флинт). Занятия же с группами студентов в самом музее были и вовсе прекращены.

Помимо этого, постоянно вели работу со школьниками. В отделе млекопитающих даже была создана специальная “учебная” коллекция из недатированных, неполноценных и малоценных экземпляров. Ее использовали в занятиях с кружком юных биологов Зоопарка (КЮБЗ) в конце 1950-х годов. Школьники этого кружка занимались в 1956–1957 гг. и изучением коллекций птиц. В отделе орнитологии в начале 1960-х гг. работали также школьные кружки МОИП под руководством А.П. Разореновой и юношеская секция ВООП под руководством П.П. Смолина. Наконец, специальные кружки существовали для школьников при отделах орнитологии и энтомологии. В отделе орнитологии такой кружок вела в 1959–1965 гг. С.В. Луцкая; одновременно там занималось от 2 до 10 школьников. Наиболее крупный кружок работал в отделе энтомологии под руководством Е.М. Антоновой (до 1982 г.). Числился он при кафедре энтомологии, но куратором был сотрудник музея. В отдельные годы в музее занималось до 54 школьников-энтомологов (1970 г.)!

Подведем итоги деятельности Зоомузея в 1954–1978 гг. Заметно снижение уровня научной работы: совершенно отсутствуют сводные монографии высокого класса, подобные опубликованному в 1930–1950-е годы (единственное сходное издание — книга Н.Н. Плавильщикова в серии “Фауна СССР”, изданная в 1958 г.; но это скорее исключение, относящееся к работе автора в более раннее время). Прочие монографии представляют собой полевые определители млекопитающих и птиц (включая и переиздания). Изучение внутривидовой изменчивости сохраняется как тема научной работы лишь в отделе млекопитающих. Работы, исходящие из отдела энтомологии, все более из ревизий превращаются в фаунистические списки изученного материала по тому или иному региону. Возникает научная тематика, довольно чуждая общему направлению работы Зоомузея: морфология пищевого тракта рыб, поведение хищных животных и т. д.

Снижается и уровень научно-популярной работы. После большого числа книг для детей и юношества, изданных Н.Н. Плавильщиковым и Е.П. Спангенбергом, из-под пера сотрудников музея выходят главным образом популярные статьи. Такой деятельностью продолжают заниматься В.Е. Флинт, Е.М. Антонова и др. В.Е. Флинт перевел на русский язык несколько книг о животных.

При общем высоком уровне экспозиции в ней встречаются препараты невысокого качества (особенно среди беспозвоночных животных). Часть старых чучел птиц и млекопитающих животных просто списывают и вывозят на помойку.

Силы сотрудников музея переключаются преимущественно на хранительскую работу. Некоторые сотрудники приходили для этого в музей даже и в выходные дни (А.Н. Желоховцев). Наибольшей степени обработки достигли коллекции млекопитающих, птиц, рептилий и амфибий, некоторых групп насекомых.

Отрыв Зоомузея от студенчества МГУ отрицательно сказывается на преподавании и изучении зоологии (фундаментальных её отделов) на биологическом факультете МГУ; подробнее об этом см. выше, в конце раздела, посвященного 1932–1954 гг.

С 1978 года

Этот период, еще не завершившийся (к 1989 г.! — *К.М.*), можно назвать периодом реконструкции и расширения музея. Привлекаются свежие научные кадры, происходит повышение уровня научной работы при сохранении высокого уровня хранительской и экспозиционной работы.

За это время в верхнем и нижнем зале была переименована экспозиция. Для нижнего зала изготовлены новые металлические витрины вместо прежних деревянных витрин-шкафов. Нижний зал расширен за счет ликвидации там хранилища беспозвоночных животных. Наиболее крупным изменениям подверглись экспозиции по беспозвоночным животным, насекомым, рептилиям и амфибиям. Верхний зал был временно открыт для посетителей и экскурсий в 1981–1984 гг. После реконструкции окончательно открылись: нижний зал в 1984 г. и верхний — в 1989 г. Зал сравнительной анатомии находится в состоянии реконструкции до сих пор (1989 г. — *К.М.*). В 1989 г. вели работы с художниками по подготовке экспозиции этого зала.

Реконструкция отняла у музея много сил, все сотрудники регулярно привлекались для погрузочных работ и перемещения коллекций на время ремонта. Поочередно ремонтировались почти все отделы музея: материалы многих отделов пришлось переносить неоднократно (орнитологического, энтомологического, беспозвоночных животных). Из-за подготовки экспозиции у сотрудников не хватало времени на научную работу, сотрудники отдела энтомологии были даже лишены отпусков и командировок до сдачи своей части нижнего зала.

Для улучшения научной работы (и главным образом для сохранения ставок в музее) в 1986 г. была создана лаборатория таксономической зоологии и кадастровых исследований, объединившая научных сотрудников, присоединенных ранее к кафедрам биологического факультета.

Научная продуктивность сотрудников музея значительно выросла; увеличилось число выпускаемых монографий, особенно по млекопитающим животным. Выходят в свет определители, справочники по коллекциям и принципам их хранения, экологические, морфологические работы. Одна книга выпущена за рубежом. Из стен музея впервые за последние 50 лет стали выходить работы по теоретической систематике (А.В. Свиридов, А.И. Шаталкин, И.Я. Павлинов и другие). На научном семинаре в 1980-е гг. регулярно обсуждались проблемы кладистического направления в систематике.

В 1980–1989 гг. защищена 1 докторская (О.Л. Россолимо) и 10 кандидатских диссертаций (еще 3 предполагается защитить в ближайшее время). Возросло число зарубежных командировок научных сотрудников музея. Резко увеличилось число статей, публикуемых сотрудниками музея за рубежом.

Три отдела музея — орнитологический, энтомологический и беспозвоночных животных — получили и освоили новые помещения. По всему музею значительная часть коллекций (кроме энтомологических) перемещена из деревянных шкафов на специальные сваренные металлические стеллажи.

Объем коллекций музея по-прежнему быстро возрастает. Много материала поступает из-за рубежа (Монголии, Вьетнама, Перу и другие страны).

Остаются нарушенными связи между сотрудниками Зоомузея и студенчеством МГУ. Преподавательская работа в МГУ сотрудниками музея практически не ведётся. Иногда сотрудники музея выступают с докладами на заседаниях студенческих и школьных кружков, проходящих на биологическом факультете МГУ. В самом музее школьные кружки не функционируют с 1963 г.; отдельные сотрудники (М.В. Калякин, Е.А. Дунаев) занимаются со школьниками в рамках внеуниверситетских объединений (дворцы пионеров и проч.).

Подведение итогов этого периода было бы преждевременным, нельзя лишь не отметить улучшение деятельности музея почти по всем направлениям (научное, экспозиционное, хранительское).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1. Сотрудники Зоологического музея МГУ с 1932 г. (список)

1932–1954

Директор Зоомузея — В.Н. Макаров (1932–1939), Н.С. Ульянин (1939), Н.Н. Филиппов (1939–1941), С.С. Туров (с 1941 г.).

Ученый секретарь — Н.А. Гладков (1945–1947).

Отдел экспозиции: заведующий — А.А. Парамонов (1934–1936), Л.А. Зенкевич (1945–1946), Н.Н. Плавильщиков (с 1946 г.).

Отдел млекопитающих (териологии): заведующий — В.Г. Гептнер (1932–1941, 1945–1950), Л.Г. Турова (и.о. 1941–1945, зав. с 1950 г.). Сотрудники: Н.С. Ульянин (1937–1939), А.П. Разоренова (1937–1939), Л.Г. Турова (с 1937 г.), В.И. Цалкин (1940–1950), Д.М. Вяжлинский (с 1940 г.), М.В. Васильева (в 1940–1941 лаборант, с 1947 г. научный сотрудник).

Отдел орнитологии: заведующий — Г.П. Дементьев (1932–1941, 1943–1947), Н.А. Гладков (1947–1954). Сотрудники: А.В. Михеев (1933–1940), Н.А. Гладков (с 1935 г.), Е.С. Птушенко (1936–1941), А.М. Судилова (с 1938 г.), Г.П. Дементьев (1932–1949), Е.П. Спангенберг (с 1946 г.).

Отдел герпетологии: заведующий — Н.В. Шибанов (1932–1946?).

Отдел ихтиологии: заведующий — Г.В. Никольский (1932–1941), А.А. Световидова (с 1941 г.). Сотрудники: А.А. Световидова (с 1940 г.), Г.В. Никольский (1932–1950), Н.П. Куликова (Канарейкина) (1945–1956, позже экскурсовод), Г.Б. Зевина (1952–1955, фауна морских обростаний).

Отдел энтомологии: заведующий — Б.С. Кузин (1932–1935), А.Н. Жалуховцев (1935–1941, с 1946 г.), А.Н. Плавильщиков (1941–1946). Сотрудники — А.Н. Жалуховцев (с 1932 г.), Г.А. Костылев (1936–1942), А.Ф. Каменский (1935–1936), Ю.М. Залесский (1941–1936), К.В. Арнольди (1946–1950), Л.В. Зимина (с 1949 г.), О.Л. Крыжановский (1950–1952), Д.В. Панфилов (1952–1954), И.В. Орлова (1952).

Отдел беспозвоночных животных: заведующий — Г.Г. Абрикосов (1932–1941), Е.В. Борущкий (1940–1941, 1943–1945, с 1950 г.), Б.Н. Цветков (и.о. 1941–1943), И.И. Малевич (1945–1960). Сотрудники — Б.Н. Цветков (1933–1945), Я.А. Бирштейн (сверхштатно 1934–1936), В.И. Сычевская (сверхштатно 1935–1937), Н.М. Киналев (экскурсовод 1939–1940), З.Г. Паленичко (1943–1947), Н.Л. Сокольская (с 1947 г.).

Отдел сравнительной анатомии (эволюционной морфологии): заведующий — Б.С. Матвеев (по совместительству 1932–1938), А.Н. Дружинин (1938–1941), Д.Н. Гофман (и.о. 1943–1950, зав. с 1950 г.). Сотрудники — Д.Н. Гофман (с 1938 г.).

Таксидермическая мастерская: заведующий — В.К. Федулов (1932–1941), П.С. Николаев (1941–1951). Сотрудники — П.С. Савельев (1935–1937, 1938–1939, 1945–1956), П.С. Николаев, Н.К. Назьмов (1934–1942 с перерывами), В.А. Никулочкин (1932–1941), Н.А. Бухтеев (1932–1941), П.Н. Большунов (1932–1939), В.Н. Данилов (1945–1947?), В.И. Пивоваров (с 1947 г.), В.П. Радин (с 1951 г.).

1954–1978

Директор Зоомузея — С.С. Туров (до 1960 г.), С.Г. Соин (по совместительству 1960–1963), Н.А. Гладков (по совместительству 1960–1963), О.Л. Россолимо (и.о. 1969–1971, дир. с 1971 г.).

Зам директора по науке: А.Г. Банников (1954), Г.А. Викторов (1954–1955), Д.М. Вяжлинский (1955–1976).

Зав. библиотекой — В.И. Короткова (с 1956 г.).

Отдел экспозиции: заведующий — Н.Н. Плавильщиков (до 1962 г.), Н.Р. Павлова (?–??).

Отдел млекопитающих: заведующий — Л.Г. Турова (до 1959 г.), О.Л. Россолимо (с 1959 г.). Сотрудники: И.Я. Павлинов (рабочий 1967–1969 г., лаборант 1971–??), Е.Н. Матюшкин (с 197? г.), М.В. Васильева (до 1968 г., далее экскурсовод).

Отдел орнитологии: заведующий — А.М. Судилова (до 1977? г.), П.С. Томкович (с 1977 г.). Сотрудники: Е.П. Спангенберг (до 1968 г.), В.Е. Флинт (1969–1976), Р.Л. Беме (1954–1964), А.А. Кузнецов (с 1977 г.), В.Г. Бабенко (с 1977 г.).

Отдел герпетологии: заведующий — В.Ф. Орлова (с 1963 г.). Сотрудник — Т.О. Александровская (лаборант с 1972 г.).

Отдел ихтиологии: заведующий — А.А. Световидова (до 1974 г.), И.А. Веригина (с 1974 г.). Сотрудники: И.А. Веригина (с 1956 г.), И.Н. Рябов (1975–1977), Е.Д. Васильева (с 1978 г.), Н.П. Куликова (до 1956 г., далее экскурсовод, 1974–1978 — мастер в отд. ихтиологии).

Отдел энтомологии: заведующий — А.Н. Жалуховцев (до 1976 г.), А.И. Шаталкин (с 1976 г.). Сотрудники — С.И. Келейникова (с 1955 г.), Н.С. Калугина (1959–1963), Е.М. Антонова (с 1958; до 1971 г. — лаборант, в 1971–1974 — зам. директора по АХЧ), А.В. Свиридова (с 1977 г.), Л.В. Зимина.

Отдел беспозвоночных животных: заведующий — Е.В. Боруцкий (до 1976 г.), Н.И. Кудряшова (и.о. с 1976 г.). Сотрудники — Н.И. Кудряшова (с 1971 г.), В.Н. Горячев (с 1978 г.).

Отдел эволюционной морфологии (сравнительной анатомии): заведующий — Д.Н. Гофман (до 196? г.), В.А. Долгов (с 196? г.). Сотрудники — В.А. Долгов (с 1964 г.), В.С. Никольский (с 1976? г.).

Таксидермическая мастерская: данных нет.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2. Экспедиционные поездки сотрудников Зоомузея МГУ (с 1933 г.)

1933. Башкирская экспедиция: долина р. Белой (С.С. Туров, препаратор В.К. Федулов).

1934. Алтайская экспедиция (С.С. Туров, В.Г. Гептнер, В.К. Федулов). Ихтиологическая экспедиция на р. Аму-Дарья (Г.В. Никольский). Поездка в Бухару (Г.В. Никольский, А.Н. Желуховцев). Армения: Дилижан (А.Н. Желуховцев). И др.

1935. 2-я Алтайская экспедиция (С.С. Туров, А.Н. Желуховцев, В.К. Федулов). Каракумская экспедиция (Н.В. Шибанов), Аральская экспедиция (Г.В. Никольский).

1936. Комплексная экспедиция в Мордовский заповедник (от Зоомузея: С.С. Туров, препараторы В.К. Федулов и П.Н. Большунов, будущие сотрудники Е.С. Птушенко, Л.Г. Турова-Морозова). Ихтиологическая экспедиция в дельту Аму-Дарья (Г.В. Никольский). Крымский заповедник (В.Г. Гептнер). Крым: Карадаг (Г.А. Костылев). Самарканд (А.Н. Желуховцев).

1937. Каракалинская экспедиция (А.П. Разоренова, Е.С. Птушенко). Ихтиологическая экспедиция на р. Или (Г.В. Никольский). Александровский хребет (Н.А. Гладков). Репетек (Г.А. Костылев). Страхово на Оке (А.Н. Желуховцев).

1938. Экспедиция в Тиманскую тундру (С.С. Туров, Н.А. Гладков, А.В. Михеев, В.К. Федулов). Казахстан (Б.Н. Цветков, Г.А. Костылев).

1939. Кавказская экспедиция (Г.В. Никольский). Мурман (Г.Г. Абрикосов). Аральское море (Г.В. Никольский). Узбекистан (Г.А. Костылев). Винницкая область (А.Н. Желуховцев).

1940. Сыр-Дарья (Г.В. Никольский). Белое море (Г.Г. Абрикосов). Московская область: Рузский район (Г.А. Костылев).

1941. Р. Печора (Г.В. Никольский). Теберда (Е.С. Птушенко). Рыбинское водохранилище (С.С. Туров).

1942. Бадхыз (В.Г. Гептнер, Д.Н. Гофман). Гасан-Кули (Г.П. Дементьев, Е.В. Боруцкий).

1943. Кавказ (С.С. Туров). Белое море (З.Г. Паленичко).

1944. Белое море (З.Г. Паленичко).

1945. Свердловская область (С.С. Туров). Белое море (З.Г. Паленичко). Каракумы (Г.П. Дементьев, Е.С. Птушенко).

1946. Амурская экспедиция (Г.В. Никольский). Белое море (З.Г. Паленичко). Каракумы (Г.П. Дементьев, Е.П. Спангенберг). Таруса (Н.Н. Плавильщиков).

1947. Чита (А.Н. Желуховцев). Таруса (Н.Н. Плавильщиков).

1948. Таруса (Н.Н. Плавильщиков). Закавказье (Е.П. Спангенберг).

1949. Лесополоса Камышин-Сталинград (А.Н. Желуховцев). Московская область (Н.Н. Плавильщиков).

1950. Закавказье (Е.П. Спангенберг). Маньч (А.Н. Желуховцев, О.Л. Крыжановский). Камышин (Л.В. Зимина). Таруса (Н.Н. Плавильщиков).

1951. Киргизия (Е.П. Спангенберг). Киргизия (А.Н. Желуховцев). Камышин (Л.В.

Зими́на). ЮЗ Туркме́ния (О.Л. Крыжа́новский). Красная Поляна (А.Н. Желоховцев).

1952. Закавказье (Е.П. Спангенберг). Каспийское море (Н.А. Гладков). Рыбинское водохранилище (Е.П. Спангенберг, А.М. Судилова, А.А. Световидова). Киргизия: Сары-Челек (А.Н. Желоховцев, Л.В. Зими́на). Беловежская пу́ща (С.С. Туров). Трасса Главного Туркменского канала (Д.В. Панфилов). Памиро-Алайская горная система (Д.В. Панфилов).

1953. Закавказье (Е.П. Спангенберг). Рыбинское водохранилище (А.А. Световидова, Г.Б. Зевина). Беловежская пу́ща (С.С. Туров). Таджикистан: Варзоб, Куляб (А.Н. Желоховцев). Алма-Ата, р. Или (Л.В. Зими́на). Иссык-Куль (Д.В. Панфилов). Туркме́ния: Кизил-Арват (Д.В. Панфилов). Молдавия: Бендеры (А.Н. Желоховцев). Таруса (Н.Н. Плавильщиков).

1954. Закавказье (Е.П. Спангенберг). Опшская область (А.Н. Желоховцев). Абхазия (Г.А. Викторов). Звенигород (Л.В. Зими́на, Н.Н. Плавильщиков).

1955. Ферганская долина (А.Н. Желоховцев). Арме́ния (Л.В. Зими́на). Звенигород (Н.Н. Плавильщиков).

1956. Киргизия (Е.П. Спангенберг). Европейская тундра (Е.П. Спангенберг). Хорог, Алтайский хребет (Л.В. Зими́на). Арме́ния (Л.В. Зими́на). Звенигород (Н.Н. Плавильщиков).

1957. Ленкорань (Е.П. Спангенберг). Европейская тундра (Е.П. Спангенберг). Джунгарский хребет, Алма-Ата (А.Н. Желоховцев). Арме́ния, Нахичеванская АССР (Л.В. Зими́на). Воронежский заповедник (С.И. Келейникова).

1958. Юг Приморья (Е.П. Спангенберг). Узбекистан–Алма-Ата (А.Н. Желоховцев). Азербайджа́н: Кировабад (Л.В. Зими́на). Центра́льный Каза́хстан (Карага́ндинская, Акмолинская области) (С.И. Келейникова). Севасто́поль (Л.В. Зими́на).

1959. Низовья Колымы (Е.П. Спангенберг). Самарканд (А.Н. Желоховцев). Арме́ния, Нахичеванская АССР (Л.В. Зими́на). Карага́ндинская область (С.И. Келейникова). Моско́вская область (Н.С. Калугина). Арме́ния (Е.М. Антонова).

1960. Туркме́ния: Ашхабад, Кара-Кала (А.Н. Желоховцев). Памир (Л.В. Зими́на). Моско́вская область (Н.С. Калугина). Арме́ния (Е.М. Антонова).

1961. Приморье (А.Н. Желоховцев). Юж. Бу́рятия (Л.В. Зими́на). Иссык-Куль (Л.В. Зими́на). Моско́вская область (Н.С. Калугина). Сара́товская область (Е.М. Антонова). Бухарская область, Таджикистан (Кондар) (С.И. Келейникова).

1962. Якутск (А.Н. Желоховцев). Приморье (Л.В. Зими́на). Приокско-Террасный заповедник (Е.М. Антонова, Н.С. Калугина). Репетек (С.И. Келейникова).

1963. Дарви́новский заповедник (Е.П. Спангенберг). Магаданская область (А.Н. Желоховцев). Приморье (Л.В. Зими́на). Приокско-Террасный заповедник (Е.М. Антонова). Моско́вская и Ряза́нская области (Н.С. Калугина). Репетек (С.И. Келейникова).

1964. Дарви́новский заповедник (Е.П. Спангенберг). Закарпатье (Л.В. Зими́на). Липецкая область: заповедник “Галичья гора” (Е.М. Антонова). Таджикистан: Кондар (С.И. Келейникова).

1965. Дарви́новский заповедник (Е.П. Спангенберг). Каза́хстан: Аксу-Джабаглы (Л.В. Зими́на). Моско́вская область (А.Н. Желоховцев, Е.М. Антонова).

1966. Аксу-Джабаглы (Л.В. Зими́на). Крым: Карадаг (Е.М. Антонова). Моско́вская область (А.Н. Желоховцев, Л.В. Зими́на).

1967. Горный Алтай, Чулышман (лаборант Р.А. Каменская). Актю́бинская область (С.И. Келейникова). Моско́вская область (А.Н. Желоховцев).

1968. Моско́вская область (А.Н. Желоховцев, Л.В. Зими́на).

1969. Азербайджа́н: Ленкорань и Зува́нд (Л.В. Зими́на). Березинский заповедник (Е.М. Антонова). Таджикистан: Кондар (С.И. Келейникова). Моско́вская область (А.Н. Желоховцев, Л.В. Зими́на).

1970. Туркме́ния: Кара-Кала (Л.В. Зими́на). Березинский заповедник (Е.М. Антонова). Киши́нев (Р.А. Каменская). Туркме́ния: Ашхабад и др. (С.И. Келейникова). Моско́вская область (А.Н. Желоховцев, Л.В. Зими́на).

1971. Зап. Тува, Чада́н (Л.В. Зими́на). Туркме́ния: Ма́ры (С.И. Келейникова). Моско́вская область (А.Н. Желоховцев, Л.В. Зими́на).

1972. Мордо́вский заповедник (Е.М. Антонова). Моско́вская область (А.Н. Желоховцев, Л.В. Зими́на).

1973. Молдавия (Л.В. Зими́на). Низовья Оби (Л.В. Зими́на, Р.А. Каменская). Моско́вская область (А.Н. Желоховцев, Л.В. Зими́на).

1974. Окрестности Якутска (Л.В. Зими́на, Р.А. Каменская). Репетек (С.И. Келейникова). Моско́вская область (А.Н. Желоховцев, Л.В. Зими́на).

1975. Крым (А.Н. Желоховцев, Л.В. Зими́на). Окский заповедник (С.И. Келейникова). Моско́вская область (А.Н. Желоховцев, Л.В. Зими́на).

1976. Крым (А.Н. Желоховцев, Л.В. Зими́на). Киргизия: Сары-Челекский заповедник (Е.М. Антонова). Моско́вская область (А.Н. Желоховцев, Л.В. Зими́на).

1977. Каза́хстан, Туркме́ния (А.И. Шаталкин).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3. Диссертации, защищенные сотрудниками Зоомузея МГУ в 1939–1978 гг.

Докторские диссертации

- 1939 — Е.В. Боруцкий “Определение продуктивности бентоса озер путем изучения динамики его биомассы”.
- 1939 — Г.В. Никольский “Рыбы Аральского моря”.
- 1947 — Н.А. Гладков “Биологические основы полета птиц”.
- 1947 — В.И. Цалкин “Дикие бараны Восточного полушария (Опыт монографии)”.

Кандидатские диссертации

- 1939 — Е.С. Птушенко “К вопросу о миграции птиц в некоторых районах Восточной Европы”.
- 1940 — Н.М. Кинаев “Гидробиологический очерк равнинного течения р. Или и некоторых водоемов её поймы”.
- 1940 — А.В. Михеев “Монография белой куропатки *Lagopus lagopus* L. Восточной Палеарктики”
- 1942 — Н.В. Шибанов “Материалы по фауне и биологии рептилий Кара-Кумов”.
- 1942 — А.А. Световидова “Биология невского лосося”.
- 1944 — З.Г. Паленичко “Биология и промысел *Mytilis edulis* L. Белого моря”.
- 1948 — Н.Л. Сокольская “Двигательный аппарат олигохет”
- 1952 — Д.В. Панфилов “Насекомые — опылители люцерны Сталинградской области”
- 1954 — Г.А. Викторов “Роль паразитических насекомых в массовом размножении бобовой огневки (*Etiella zinckenella* Th.)”.
- 1958 — О.Л. Россолимо “Возрастная изменчивость черепа и жевательной мускулатуры у нутрии (*Myopotamus coypus* Mollina) (к вопросу о возрастной изменчивости млекопитающих)”.
- 1959 — Р.Л. Беме “Птицы Центрального Кавказа”.
- 1960 — Н.С. Калугина “Систематика и биология фитофильных хирономид Учинского водохранилища”.
- 1966 — В.А. Долгов “Виды палеарктических землероек рода *Sorex* и их индивидуальная и популяционная изменчивость”.
- 1968 — Ан.А. Шилейко “Наземные моллюски Тальша”.
- 1969 — С.И. Келейникова “Почвенные личинки жуков-чернотелок фауны СССР”.
- 1970 — И.А. Веригина “Особенности строения пищеварительного тракта растительноядных рыб в связи с питанием”.
- 1971 — Н.Р. Павлова “Строение и изменчивость кожного и волосяного покрова шиншиллы”.
- 1975 — В.Ф. Орлова “Систематика и некоторые эколого-морфологические особенности лесных ящериц рода *Lacerta*”.
- 1976 — И.Н. Рябов “Развитие межподсемейственных гибридов некоторых карповых рыб”.

Оглавление

Предисловие	4
1917–1931	5
1932–1954	20
1955–1978	42
с 1978 года	51
Приложение № 1. Сотрудники Зоологического музея МГУ с 1932 г. (список)	53
Приложение № 2. Экспедиционные поездки сотрудников Зоомузея МГУ (с 1933 г.)	55
Приложение № 3. Диссертации, защищенные сотрудниками Зоомузея МГУ в 1939–1978 гг.	58

МИХАЙЛОВ Кирилл Глебович
Материалы по истории Зоологического музея МГУ (1917–1978)
Научное издание.

Публикуется за счет автора.

Москва: изд-во КМК. 2002 г. 59 стр.

Издательство КМК — 111531 Москва, ш. Энтузиастов 100-5-56
ЛР № 070831 от 14.04.1998

Отпечатано в типографии ООО "Галлея-Принт". Москва, ул. 5-я Кабельная, 26.
Подписано в печать 26.10.2002. Формат 60x90/16. Объем 3,75 печ.л. Печать оф-сетная. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Тираж 300 экз.